

Владимир Михайлов

Люди Приземелья

«Автор»

1966

Михайлов В. Д.

Люди Приземелья / В. Д. Михайлов — «Автор», 1966

Признанный мастер отечественной фантастики...Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове. Не верите? Прочитайте – и убедитесь сами!

© Михайлов В. Д., 1966

© Автор, 1966

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Михайлов

Люди Приземелья

Глава первая

1

Его установили далеко за городом; в городе просто не нашлось места, даже самая большая площадь оказалась тесна. Но там, пожалуй, он выглядел бы еще необычнее.

В нем не было ничего от Земли, хотя кругом росли цветы и двигались люди. Он стоял, чуть отклонясь от вертикали; строго вертикальное всегда кажется статичным, а он и здесь был весь – стремление.

Упираясь в площадку причудливым плетением амортизаторов, касаясь земли краем главного рефлектора, он уходил вершиной далеко в небо. Там в антеннах защиты и связи иногда запутывались облака. Они стекали каплями по холодной броне, и чудилось, что в часы маленького земного ненастья «Джордано» сильнее тоскует по простору и по тем, настоящим, бурям, с которыми стоило бороться.

Он грустил, созданный для преодоления гравитации, но в конце концов прикованный ею к планете. Старый, с изъеденной излучениями обшивкой, с демонтированными реакторами, бездействующими системами, с обезлюдевшими рубками, постами, лабораториями и каютами корабль был опущен на Землю и поставлен памятником самому себе – памятником «Джордано».

Но привычка – великая сила, привыкают и к памятникам, их перестают замечать. То, что было героизмом, становится обычной профессией, и памятник подвига воспринимается подчас как памятник старины. Для того чтобы до конца расшифровать иероглиф из гранита или металла, недостаточно знать его современное значение, надо знать, как памятник выглядел в те времена, когда был заслужен.

Узкие тропинки первопроходцев расширяются и превращаются в дороги с твердым покрытием. Уменьшается риск, увеличивается практическая направленность. Школы мужества заменяются профессиональными школами. Но пока памятники кораблям стоят, можно быть уверенным в том, что другие корабли летают. Они уходят ночами, полными звезд и вдохновения. Вот увел свою машину капитан Лобов. И связисты ловят его отрывистые сигналы.

2

На глубине тридцати тысяч метров привычное гудение моторов неожиданно изменилось. Оно стало настойчивей, и в нем появилась какая-то резкая нота. Как будто один из хористов пустил петуха.

Нет, колонки с резцами вращались по-прежнему. Их сигналы, пришедшие в ответ на молчаливый вопрос автомата, уверяли в полном благополучии. Автомат переключился на движущие устройства. И там не было никаких неисправностей. А моторы были все надсаднее. Повышалась температура. Запахло перегоревшей смазкой.

Автомат запросил информацию у транспортера-улитки. Транспортер действовал. Но датчики свидетельствовали о том, что он работал вхолостую. Логическое устройство автомата мгновенно отыскивало причину: резцы, работая, не брали породу. Они могли разрушить любой,

даже самый твердый минерал. Но здесь пришлось воевать с вязкостью. Резцы проворачивались впустую, как ложка в стакане чая.

Автомат дал команду изменить направление. Механизмы подчинились. Но было слишком поздно: для того чтобы повернуть, надо обладать хоть какой-то скоростью. Скорость же равнялась нулю.

Тогда автомат выключил моторы, чтобы не дать им перегореть. Он устремил все внимание на борьбу с температурой. Но раскаленное вещество мантии было сильнее. Криогены, изнемогая в единоборстве с недрами планеты, спасали землеход еще целых полчаса. Затем они, один за другим, вышли из строя. Автомат бесстрастно зафиксировал это. Потом сообщения его стали поступать с перебоями. По доносившимся обрывкам рапортов можно было представить, как жара в замкнутом объеме землехода превысила все установленные пределы. Начала течь обшивка. Последними вышли из строя антибары. Тогда в бой вступило могучее давление земных глубин. Автомат включил моторы, пытаясь в последний момент все-таки пробиться...

– Два часа, – в предсмертное бормотание автомата вклинился мягкий, но настойчивый голос. – Два часа. Прошу вас, кончайте. Два часа. Вы достаточно поработали сегодня. Уже два часа. Пожалуйста, выключите Элмо, иначе через пять минут сработает аварийный выключатель. Два часа. Прошу вас...

Медленно, как после глубокого сна, Кедрин открыл глаза. Протянув руку, плавно выбрал на себя рычаг включения Элмо. Затем так же неторопливо стащил тяжелый шлем.

Уже два часа. Как и всегда, время пролетело незаметно.

Еще несколько минут, и исследование очередной аварийной ситуации было бы закончено. Но и без того ясно, что автомат ориентируется недостаточно быстро. Хотя, по сравнению с предыдущим вариантом, он стал мощнее.

Снова надо перерабатывать схему. Но беда в том, что глубинщики ограничивают в объеме. Понять их можно, а помочь? Создать устройство нужной мощности в столь малом объеме, пожалуй, вообще невозможно. Не видно путей.

Конечно, можно попытаться увеличить количество датчиков вязкости. Может быть, перейти на локацию. Но это – опять объем.

А пока можешь считать, что ты сгорел в недрах вместе с кораблем. Если бы испытания проводились не теоретически, а на самом деле.

Кедрин попытался представить себе, что он погиб. Это не удалось. И правильно. Будь он там, он заметил бы все раньше автомата. Принял бы меры и спас бы корабль.

Впрочем, и корабль-землеход существует пока только в теории. Зато задание существует на практике. И сейчас придется идти к Меркулину и докладывать, что автомат не вписывается. А если вписывается, то не тянет.

Кедрин встал. С наслаждением потянулся. Затем, воровато оглядевшись, выжал стойку на руках. Снова встал на ноги. Третья позиция. Выпад. Еще выпад. Вы не ранены, мой друг, – вы убиты.

Он поклонился воображаемому противнику и натянул куртку. Перед тем как выйти из лаборатории, обвел ее взглядом. Меркулин непременно спросит, выключено ли то и заблокировано ли это.

Обычная лаборатория. Глубокие кресла, зеленая ветка в тяжелой вазе, выбранные на сегодня мягкие тона трех стен. Вместо четвертой – окно, и за ним – деревья, зеленоватый свет лесного дня. Ушли в прошлое приборы, аппараты, чертежные комбайны, специальная посуда. Остался только пульт – единственный инструмент конструктора. А за стенами, за их скромной гладью – бесчисленные блоки Элмо, электронного мозга. Стоило его включить, как Элмо превращался в продолжение мозга Кедрина. Он отдавал в распоряжение человека обширнейшую память и невообразимую быстроту расчетов.

Кедрин прикоснулся к ручке. Белая тяжелая дверь медленно отворилась.

3

На дверях директора института было написано: «Меркулин». Без званий и титулов, тем же шрифтом, каким на дверях лаборатории Кедрина было написано: «Кедрин».

И все же Кедрин поднял руку осторожно, словно бы стараясь не привлечь ничьего внимания. Стук получился очень деликатным. Меркулин, нажав специальную кнопку на пульте, тотчас отворил дверь.

Он вытянул массивный подбородок, повернув голову к креслу. Это означало приглашение сесть. Кедрин уселся. Меркулин несколько секунд глядел на него; не в глаза, а куда-то в середину лба, точно хотел прочитать мысли. Потом на втянутых щеках появились морщины: Меркулин улыбнулся.

– Объем? – спросил он.

Кедрин кивнул. Он не стал спрашивать, как Меркулин догадался. Шеф страшно удивлялся, слыша, что ход его мысли может быть для кого-то неясным.

– Естественно, – сказал Меркулин. Теперь он несколько секунд смотрел поверх кедринской головы. Кедрин молчал. Потом Меркулин поднял брови, словно сомневаясь, но тотчас же утвердительно кивнул.

– Велосипед, – сказал он. Затем взглянул в глаза Кедрину. – Не надо изобретать велосипед, – пояснил он. – С таким ограниченным объемом мы встречаемся впервые. Но это – мы. Другие уже решали компоновочные задачи такого рода. Поучимся у них.

Он помолчал.

– Если, конечно, тебе самому не пришло в голову какое-то решение.

– Я не нашел решения, – помедлив, признался Кедрин. – Мелькнула было одна мысль...

– Ну, ну?

– Я подумал: ведь будь там, в корабле, я сам – ну, вообще живой человек, – он заметил бы все значительно раньше автомата. И спас бы положение. Но почему вы никогда не соглашаетесь с тем, чтобы послать человека? Почему все машины, которые конструирует наш институт, целиком автоматизированы? Всегда ли это нужно? А если человек хочет сам...

Меркулин жестом приказал ему замолчать.

– Я понимаю тебя. Мне приходилось выслушивать такое и раньше. Молодость нередко задает себе такие вопросы. Молодость горяча – но, к сожалению, как правило, слишком мало знает и далеко не все понимает даже в тех вещах, которые ей уже знакомы. Послать человека... Да, самое легкое. Но человек – не чернорабочий. Он повелитель. Лучшие умы работают над тем, чтобы продлить жизнь человека, охранить ее от всяческих случайностей. А ты хочешь послать человека туда, где ему будет угрожать множество опасностей. Вернуться чуть ли не в каменный век – вот чего хочешь ты, по сути.

Кедрин задумался. Слова Учителя звучали убедительно.

– И кроме того: попытайся объективно оценить обстановку, в которой ты живешь. Представь себе хоть на миг, что ты очутился в мире, в котором отсутствуют все наши многочисленные средства обслуживания и защиты. Во что превратилась бы твоя жизнь?

– Но это не одно и то же.

– По существу одно. Но довольно, вернемся к работе.

Меркулин повел рукой, словно отталкивая все лишнее.

– Ты использовал все традиционные возможности, и они ничего не дали. Но вот взять хоть старый «Джордано». Насколько мне известно, автоматы на нем остались: их не было смысла демонтировать. Сходи посмотри на них. Последи за ходом мысли конструктора – и, весьма возможно, найдешь что-нибудь полезное и для нас. Этот корабль строил Велигай. Очень талантливый конструктор...

Меркулин произнес это с уважением. Но одновременно в голосе его прозвучала нотка неприязни. Если только Кедрин не ослышался.

– Да, очень. Но, к сожалению, ему не хватает дисциплины разума. Подчас – просто логики. Очень жаль.

Меркулин нахмурился.

– Впрочем, это не имеет значения. Когда он работает, он работает хорошо.

«Странно, – подумал Кедрин. – Как будто человек может не работать».

– У них свое бюро, – сказал Меркулин. – Мы для них делаем лишь немногие машины. Иди и посмотри. Завтра доложишь.

4

Дверь института растворилась; зажмурив глаза, Кедрин кинулся в зеленый, и золотой, и звенящий день.

Рабочие часы кончились. Медленная волна времени отхлынула, унося на своем гребне аналитиков, операторов, конструкторов, профессоров и лаборантов. Взмывали в воздух небольшие лодки и солидные профессорские аграпланы, непоколебимо устойчивые в полете. В гондолу вакуум-дирижабля набилась молодежь, разинутые до ушей рты виднелись во всех иллюминаторах: кто-то, торопясь, растянулся на дорожке, это было страшно смешно. Дирижабль уже расправил свое угловатое тело и медленно всплывал над вершинами сосен.

Кедрин пошел пешком, потому что только так можно было скорее всего добраться до «Джордано».

Широкая аллея текла плавно, как река; гигантские сосны бросали на нее сложное сплетение теней. В воздухе плыл густой запах устоявшейся весны. Идти было весело. Дул легкий ветерок, и солнце то выглядывало из-за вершин, то скрывалось за ними.

Кедрин шагал, заложив руки за спину. Первые несколько минут мозг по инерции еще работал в ритме лаборатории; потом напряжение спало.

Аллея сделала поворот, и перед Кедриным открылся памятник «Джордано». Кедрин попытался представить, что видит корабль впервые.

Громадная машина. Огромная до нелепости. Интересно, чем можно набить такой объем.

Но все-таки решено блестяще. Кажется, это даже и не механика больше, это архитектура.

Ну, хорошо. А где же у этой архитектуры люки?

Кедрин поискал глазами и присвистнул: люки находились на высоте метров этак двухсот. И к ним не вело ничего. Не было ни лифта, ни скоб-трапа, ни даже простой веревки.

Вот задача для альпинистов – и о чем они только думают?

Ну и конструкция! Хотя там, в пространстве, все равно. А с Земли этот корабль, кажется, и не стартовал никогда. Такие рождаются и умирают в космосе.

Взгляд Кедрина медленно опустился до главного рефлектора и скользнул по его опрокинутой полоскательнице. И в этот миг из-под рефлектора вышел человек.

Было слишком далеко, чтобы различить его лицо; но это было и не важно. Человек торопливо пересек площадь, удаляясь. «Словно за ним гонятся», – подумал Кедрин. Затем он разглядел, что человека ждала лодка. Она сразу же поднялась в воздух и устремила не к висячему городу, как ожидал Кедрин, а в противоположном направлении.

Ну, счастливого пути.

Он вышел из-под рефлектора, этот человек. А может быть, там тоже есть какой-нибудь ход? Ведь и в полете люди должны были как-то попадать на внутреннюю поверхность отражателя – конечно, при выключенном двигателе. Для осмотра хотя бы.

Что же, заглянем под рефлектор.

Кедрин неторопливо направился к тому месту, откуда минуту назад вышел человек. Вблизи это совсем не хотелось сравнивать с опрокинутой полоскательницей.

Корабль опирался на богатырски раскинутые амортизаторы; к их высокомерно блестящему металлу льнули цветы. Но уже отсюда было видно, что под гигантским куполом Главного рефлектора сумеречно и прохладно. Там цветы не росли; похоже, они боялись проникнуть даже под тот край рефлектора, который поднимался над площадкой, словно приглашая войти.

Миновав амортизатор, Кедрин зачем-то начал считать шаги. На тридцатом он остановился. Край Главного рефлектора навис над ним. На границе света и тьмы Кедрин невольно закрыл глаза и вытянул перед собой руки. Пальцы не встретили препятствия. Кедрин открыл глаза и сделал еще несколько шагов.

Он находился в странном зале; здесь не было ничего, кроме сумерек и шепота, непрерывного и тревожного. Гиперболические зеркальные стены смыкались наверху. Там сумерки превращались в ночь, но в ней угадывалась блестящая поверхность циклопического отражателя.

Было время, когда этой гладкой, как лоб юноши, поверхности приходилось встречать и отбрасывать прочь непрерывные потоки квантов. Потоки, по сравнению с которыми и само Солнце показалось бы всего лишь серым пятном на небосводе (если бы, конечно, кто-нибудь смог увидеть своими глазами излучение двигателя «Джордано» и после этого остался в живых – хотя бы на краткий миг, необходимый для сравнения).

Но пролетает молодость кораблей, и вот уже человек заходит под Главный рефлексор, и разгуливает там, и улавливает таинственный шепот... И пусть бы человеку еще казалось, что шепот этот – язык Вселенной, на котором и должен говорить такой корабль. Но человек отлично знает, что старость металла молчалива, в отличие от старости людей. А шепот этот – всего лишь голоса окружающего мира, уловленные и перемешанные рефлектором, огромной раковиной, выброшенной на Землю океанским прибоем мироздания.

Все это так: отсюда не открывается ход в бесконечность, и штрихи на стенах – не загадочные письма. Они означают просто, что рефлексор изношен. И однако... странное чувство охватывает человека. Словно здесь, под этим куполом, он вдыхает иной воздух. Словно здесь начинается незнакомый мир, мир иной доблести и других законов.

Кедрин почувствовал, как учащается дыхание. Теперь он видел лучше, глаза притерпелись к сумеркам. Он приближался к центру зала. Внезапно из пустоты навстречу ему выдвинулся человек. Кедрин вздрогнул: встречный ступал по воздуху, стремительно увеличиваясь в размерах и поднимаясь все выше. Вот фантом взвился к вершине, занял весь купол целиком... Кедрин застыл, глядя вверх. Огромные глаза озадаченно смотрели на него с вогнутого потолка.

Может быть, это Вселенная решила поглядеть на него?

Кедрин принужденно засмеялся и качнул головой. Чудовищный глаз колыхнулся, посмотрел косо. Вот оно что! Это всего лишь сам Кедрин отразился в зеркале, в которое некогда гляделась бесконечность.

Это был он сам. Но ведь когда-нибудь, где-то далеко отсюда... человек выйдет из своего корабля, а другой шагнет ему навстречу, и это будет не отражение, но и не человек Земли, ныне обитатель Солнечной системы. Это будет представитель иной цивилизации, где все не похоже на то, к чему привыкли мы у себя, но такое же – желание встреч и дружбы. Да, так и случится!

Кедрин вздохнул.

Нет, вернее всего, будет иначе. Человек не выйдет из корабля. Потому что людей в корабле не будет. Слишком далеко, а главное – чересчур опасно. Звездолет поведут автоматы. Разумные, выдержанные, лишённые эмоций. Человеческая жизнь слишком дорога. И не зря автоматы освободили человека от риска, взяли опасность на себя: им несвойственна боязнь и не нужен уют. А дело человека – находясь в безопасности, получать результаты проведенных автоматами исследований и предаваться размышлениям над ними.

Что ж, это правильно. Ведь не зря громадные институты, множество людей – и Кедрин в том числе – занимаются именно созданием мудрых автоматов на все случаи жизни. Не только для космоса. Пройдет немного времени – и в недра планеты погрузится землеход, машина не менее сложная, чем звездные корабли. Опасностей в недрах даже больше, и поэтому землеход поведут тоже автоматы. Важнейший из них проектирует Кедрин, тем самым признавая правоту Учителя.

Кедрин виновато усмехнулся. Едва не забыл, ради чего он пришел сюда. Одолели посторонние мысли, которые сейчас не могут помочь. А автомат, между прочим, так и не спроектирован, и времени терять нельзя.

Как же тот человек проник в корабль?

Кедрин на минуту задумался, затем, сообразив, нагнулся. Площадка под рефлектором была покрыта слоем пыли. Тот человек не мог не оставить следов.

Следы нашлись быстро. Но они доходили лишь до центра зала. Отсюда они направлялись обратно.

Так что же, он заходил сюда лишь для того, чтобы постоять в центре зала и уйти?

Возможно, и так. Но Кедрин не может ограничиться этим. Ему надо попасть в ходовую рубку. Там стоит нужный ему автомат. Неизвестно лишь, как попасть туда.

– Мне нужно в рубку, – громко произнес Кедрин, словно корабль мог его услышать. И вздрогнул, потому что ответ последовал сразу же.

Голос корабля прозвучал как металлический скрип, негромкий, но пронзительный. Он донесся сверху, но стены подхватили его и начали перебрасываться звуком, как мячом. Кедрину стало не по себе. Он сделал шаг назад.

Узкая кабина опустилась без всякого сигнала, остановилась над самой площадкой. Дверцы приглашающе раздвинулись. Вспыхнула тусклая лампочка.

Не колеблясь Кедрин шагнул внутрь. Дверца затворилась. Снова раздался унылый скрежет, потом он перешел в свист. Чувствовалось, как нарастает тяжесть. Ого, какие ускорения! Это не лифт, а прямо...

Что-то повернулось под ложечкой. На долю секунды наступила невесомость: лифт начал замедлять движение. В следующий миг он остановился. На табло вспыхнули слова: «Ходовая рубка».

Кедрин раздвинул дверь и вышел.

Перед ним открылось небольшое помещение с куполообразным потолком. Стены и потолок матово отблескивали. Кедрин не сразу понял, что это – громадный экран. Он был пуст; но не составляло труда представить, как его усеивают нетерпеливые звезды Галактики.

Посередине рубки возвышался небольшой пульт. Нигде – на стенах, на полу, на облицовке пульта – не было ни пылинки. Казалось, люди покинули эту рубку совсем недавно и ненадолго. В любой момент из вот этой дверцы в стене могли показаться те, кто в полете был душой и сердцем корабля.

Кедрин усмехнулся. Сердцем корабля был вот этот пульт. Под его блестящей облицовкой скрывались тончайшие электронные схемы, хитро размещенные в небольшом объеме. Они-то и были нужны Кедрину.

Ну а что касается души... это уже мифология.

Кедрин обошел пульт. Вот эта панель снимается. Снимем ее. В открывшемся гнезде торчали многочисленные концы аккуратно разъединенного кабеля. Автомат был отключен от сетей корабля. Это было естественно, но Кедрин почему-то вздохнул.

Он снял вторую панель и уселся на пол, скрестив ноги. Предстояло пробраться по всем излучинам мысли неведомого конструктора, овеществившейся в этом автомате. Сначала Кедрин насвистывал, потом умолк. Потом громко засопел и взъерошил волосы. Потом вскочил, зашагал по рубке, размахивая руками, но, смирив себя, снова уселся. Мысль конструктора все

больше раскрывалась перед ним. Хотелось смеяться и плакать. Как мало он, Кедрин, еще знает и умеет! Почему-то нам зачастую кажется, что вся мудрость и умение сосредоточены в наших руках. Как мы обедняем этим мир...

А Учитель? Как тактично, осторожно он натолкнул Кедрина на мысль: раньше, чем изобретать велосипед, посмотри, не создали ли его другие. Не успокаивайся на том, что ничего подобного нет в памяти наших Элмо. Они тоже не всесильны.

Что же, теперь принцип ясен. Каждый блок здесь выполняет не одну, а две-три различные функции. Не линейное, а многостепенное конструирование. А ты-то...

Он вернул панели на место и, почувствовав усталость, опустился в кресло, стоящее у пульта. Теперь он видел пульт и экран под другим углом зрения: взглядом участника, а не наблюдателя.

Отдыхать ему всегда помогала фантазия. Кедрин позволил ей расцветить экран огнями звезд. Для этого пришлось на миг закрыть глаза. Внезапно ему показалось, что кресло уходит из-под него. Он встрепенулся. Нет, ничего; это, наверное, порыв ветра качнул корабль, как качает он высокие башни.

А при желании можно вообразить, что это был первый удар двигателей. Что начинается старт...

Старт! И люди улетают. Зачем? Ведь, если все остальные устройства корабля сконструированы не менее остроумно, чем исследованный Кедриним автомат, людям здесь нечего делать. Недаром на пульте так мало органов управления. Но ведь люди летели на этом корабле! И летают сейчас на других.

Значит, было что-то, чего не хотели доверить автоматам? Что это могло быть?

Рассуждая разумно, ничего.

Но ведь трудно предположить, что эти люди понимали меньше, чем он, Кедрин.

Наверное, Учитель – Меркулин – понимает больше. Но тогда почему временами так хочется с ним спорить?

Кедрин снова закрыл глаза. И так, где-то, очень далеко... Но из корабля не выйдут люди. Житель иной системы напрасно будет дожидаться. Зря будет стучать его сердце. Ну, не сердце; но что-то такое у него будет. Автоматы бесстрастно сфотографируют и запишут его. И снова включают двигатели.

А может быть, и там будет автомат. Корабли будут висеть в пространстве рядом друг с другом. Час, день, неделю. Потом начнут осторожно отдаляться. И, наконец, включают двигатели. Встреча не состоится.

Люди хотят встреч. Может быть, поэтому они и летают? Ведь вести корабли доверено автоматам. Но известно же, что вероятность таких встреч ничтожна. И ради этого – рисковать жизнью? Нет.

Что же влечет людей, вопреки логике, здравому смыслу?

Самое простое: попытаться поставить себя на место такого человека. Это несложно – ты уже сидишь на его месте. Представь: настал час. Курс вычислен, команда на местах. Время! Вот клавиша с надписью: «Пуск». И так, нажмем ее! Легкое движение пальцем...

Он сделал это движение.

И внезапно на пульте вспыхнули огни. Экран осветился, по нему плыли облака. Едва заметная дрожь прошла по панелям и передалась Кедрину. Автомат включился. Сердце памятника забило, как будто он все еще был живым кораблем. Теперь представим себе, что кабель не разъединен, что команды идут по своим маршрутам...

Кедрин представил – и двигатели ударили. Перегрузка вжала его в кресло. Облака на миг окутали экран и провалились вниз. Атмосфера засветилась. Автоматы стонали от напряжения. Корабль набирал скорость. Солнце клочкотало в фокусе рефлектора. Звезды протягивали лучи.

Земля стремительно отлетала, как отбитый сильным ударом мяч. У Кедрина захватило дыхание. Такого испытывать никогда не приходилось.

Раздался сухой треск, огни погасли, в рубке слегка запахло резиной. Замыкание. Старый корабль, его качает ветром, в нем замыкаются провода. Но его люди знали что-то, что сильнее логики. И ради этого оставили себе несколько переключателей. Чтобы чем-то заниматься. Вот хотя бы эта круглая пуговица на пульте. Ее зачем-то нажимали.

Кедрин нажал. Но кнопка не поддавалась. Вместо этого она скользнула по пульту, прочертив по панели след. Эге, это вовсе не кнопка. Какая-то бляшка... значок. Странно массивный значок, забытый на пульте, наверное, одним из членов экипажа.

Кедрин повертел значок в пальцах. На внешней стороне был непонятный рисунок. То ли модель атома, то ли еще что-то... На оборотной – обычный винтик. И что-то написано на металле.

Кедрин поднес значок к глазам. Все-таки здесь темновато.

На значке чем-то острым было выцарапано имя: Ирэн. И номер: 77 368 901.

Да, на значке стояло: Ирэн.

5

На свете много женщин, носящих такое имя. Но настоящая Ирэн только одна.

Кедрин размашисто шагал по аллее. «Джордано» остался далеко позади. Смеркалось, деловито гудели жуки.

Это имя – на найденном в корабельной рубке значке... Случайность? Но немногому же тебя научили, если простое совпадение лишает покоя.

Сначала тебе кажется, что люди должны рисковать собой. Потом под руку подвертывается нелепый значок. На нем – имя. Мало того: на нем еще и номер.

А по номеру всегда можно найти. Это номер связи. Куда бы ни уехал человек...

Нет, не надо. Лучше думать о чем-то другом. О природе. Чудесный вечер. Зажигаются первые звезды...

Почему-то люди хотят летать к звездам сами. А ведь куда целесообразнее, чтобы летали автоматы. Люди не должны гибнуть. Так говорит Учитель...

Опять?

Это наверняка не она. И номер не ее. На Земле сто миллионов Ирэн. Даже двести.

Она тогда тоже говорила: человек должен...

Ну, перестань, пожалуйста. Успокойся.

Кедрин усмехнулся. Призовем на помощь логику. Так советует Меркулин, Что говорит логика? Советует призвать на помощь теорию вероятности. А теория?

Теория говорит, что эта Ирэн – не Ирэн. И номер – не ее номер.

Если бы ты был твердо уверен в этом...

О, тогда бы я спал спокойно.

Думаешь? Так убедись. Вызови этот номер. И поговори с Ирэн. Она окажется... да не все ли равно – кем? Не той, и все.

Кедрин облегченно вздохнул. Конечно, надо позвонить.

Он быстро разыскал лодку и попросил отвезти его на станцию связи. Когда освободилась кабина, набрал номер, уселся и принялся ждать.

Чтобы отвлечься и сократить время ожидания, Кедрин стал представлять, как автоматы среди невообразимого множества каналов связи разыскивают нужный. Интересно, где он окажется? Может оказаться в этом самом городе. А может и где-нибудь в Антарктиде. Или мало ли где. Почтенная старая дама подойдет к аппарату. Ее выцветшие глаза будут с удивлением

смотреть на Кедрина... Тогда он извинится. Или ничего не скажет, просто выключит аппарат. И вообще, не следовало набирать номер. Лучше отозвать заказ.

Он протянул руку к аппарату. И в это время раздался слабый звонок и экран засветился.

На нем была молодая женщина. Светлые волосы, веселые глаза, вздернутый нос. Нет, не Ирэн. И ничего похожего.

Кедрин облегченно вздохнул, но сердце его сжалось.

– Добрый вечер, – вежливо сказал он. – Я вас побеспокоил...

«А милая девушка! Интересно, это далеко?»

– Ничего, – сказала девушка. – Собственно, вызов был по шифру моей подруги. Но она сейчас на Архипелаге. Все наши сейчас на Архипелаге. Решили отдохнуть, и связь оставили здесь. Что-нибудь передать? Не зря же вы набрали ее номер.

Кедрин молчал, собираясь с мыслями. Девушка весело глядела на него. Потом по экрану поплыли какие-то волны, незнакомка на секунду превратилась в бабу-ягу. В следующий миг изображение стало нормальным, но Кедрин уже понял: раз такие помехи – это очень далеко.

– Ее зовут Ирэн? – спросил он. Девушка кивнула. – Какая она?

Девушка насмешливо улыбнулась.

– Хорошая.

– Да ну... Сколько ей лет?

Девушка подняла брови.

– Не знаю... Она старше меня. – И милостиво прибавила: – Ненамного.

– А скажите... – Кедрин запнулся. Он понял вдруг, что не знает, что спросить, как описать Ирэн. И вдруг закричал: – У вас там нет ее фотографии?

– Нет, – сухо сказала девушка. – Вас интересует еще что-нибудь?

Вот несчастье: она, кажется, принимает тебя за искателя приключений.

– Ну хотя бы скажите, кто вы?

– Елена. Но я вряд ли смогу заменить... И мне некогда.

– Да нет! – закричал Кедрин. – Не то... Где это? И потом – как ее фамилия?! – Он вдруг вспомнил, что и у Ирэн есть фамилия.

Но девушка уже отключилась; экран потемнел. Кедрин с досадой сжал кулаки. В дверь кабины деликатно постучали. Ну да: торопят. Мог спокойно добраться до дома и разговаривать оттуда.

Впрочем, все равно ее нет, она сейчас на Архипелаге.

И вдруг в голову пришла странная, абсолютно лишенная логики мысль: поехать на Архипелаг. И найти эту Ирэн. Чтобы убедиться.

Нет, ты окончательно расклеиваешься. То старый корабль производит на тебя какое-то уж чересчур сильное впечатление, то имя женщины заставляет совершать нелепые поступки.

Правда, последнее время было тяжелым. Этот проклятый автомат для землехода отнял немало сил. И оказывается, они потрачены почти зря: стоило только забраться в «Джордано»...

А эти люди, которые...

Опять?

Кедрин даже застонал. Нет, невозможно. Домой. И скорее – спать. Впрочем, он сомневался в том, что сможет уснуть.

6

Дома он улегся сразу, едва успев вынуть все из карманов и аккуратно сложить и повесить одежду.

Против ожидания, он уснул быстро, но сон был тяжел. Обрывки каких-то видений преследовали его. Звезды кружились вокруг, автоматы, замаскированные под людей, выходили

из звездолетов и церемонно раскланивались. А иногда не было никаких видений, и Кедрину снился голос. Знакомый голос – голос Ирэн.

– Велигай, – говорил голос. – Почему ты не отвечаешь? Ты спишь? Герну удалось найти Гончего пса, теперь связь устойчива. На круглый ставят последние куски обшивки. Мы на Архипелаге; так хотелось побыть у моря, отдохнуть... Приезжай поскорее. Почему ты молчишь? Почему молчишь?..

Голос бормотал еще что-то, умолкал и начинал снова. Потом наконец настала тишина. Спал Кедрин плохо. Торопливо позавтракав, с тяжелой головой, Кедрин отправился в институт. К кому еще, как не к Меркулину, следовало идти в такие вот минуты, когда не хватало душевного равновесия?

7

Впоследствии этот разговор вспоминался Кедрину не целиком, а какими-то урывками. От первой части – пока Кедрин рассказывал о звездолете – не осталось в памяти вообще ничего. А от второй...

– Откровенно говоря, я им позавидовал, – сказал тогда Кедрин, потому что ему хотелось вернуться ко вчерашнему разговору. – Тем, кто летал.

По сути дела, на этом разговор должен был закончиться. Но тут он только и начался по-настоящему.

– Не завидовать надо, а жалеть! – необычно резко ответил Меркулин. – Какой смысл в парусной романтике? Это красиво со стороны, а для тех, кто на реях вязал паруса, это был тяжелейший труд! Наш долг – избавить человека от подобных вещей.

– Но ведь они сами... – пробормотал тогда Кедрин.

– Сами! Косность мышления. Людям все кажется, что автоматы что-то упустят. Виноваты не машины, а люди, которые так думают. – Ты казался мне более... гм... логичным. Конечно, не в моих силах – запретить тебе думать так. Но у меня есть обязательное требование к моим сотрудникам: чтобы они были и моими единомышленниками! Иначе – на Земле полно других институтов. Пожалуйста! Нельзя конструировать машины, не веря в них.

Кедрин верил в машины. Но, наверное, минуты, проведенные в рубке «Джордано», накрепко засели в памяти – и не только в памяти. Ирэн... Не говорила ли она когда-то?.. И Кедрин промолчал. Только кровь прилила к голове. Наверное, он покраснел. Потому что Учитель впервые был несправедлив.

– Люди заслужили счастливую жизнь, – после паузы уже мягче проговорил Меркулин. Кажется, он и сам понял, что был чересчур резок. – Жизнь в тех оптимальных условиях, какие только может дать современная техника – и лишь на Земле. Разве это так трудно понять?

Тут Кедрин, кажется, начал оправдываться. Заговорил о чем-то таком... Помнится, приплел даже сон. Это развеселило Меркулина.

– Я не истолкователь снов, – сказал он. – Но о Велигае я сам тебе говорил вчера. А Ирэн... Наверное, что-то тебе напомнило о ней. Но ведь нельзя менять убеждения в зависимости от того, что тебе приснилось.

Это Кедрин знал. Однако дело было не только в сне. В чем – Кедрин и сам не понимал как следует.

– Ты просто устал, – произнес в заключение Меркулин. – В последнее время ты очень много работал. Не рассчитываешь силы. Знаешь что? Поезжай на месяц куда-нибудь. Отдохни. И ты сам увидишь, как пропадут все эти... гм... не очень умные мысли.

– Хорошо, – согласился Кедрин, хотя вовсе не думал, что именно сейчас должен ехать отдыхать.

Он вышел из лаборатории Меркулина. И не успел закрыть за собой дверь, как в голову снова толкнулась нелепая мысль: «А что, если съездить на Архипелаг?»

Глава вторая

1

Порой снится много всякой чепухи. Как, например, тот голос, который бормотал Кедрину что-то про Велигая и Гончего пса.

А между тем «Гончий пес» существует. Правда, находится он далеко: где-то на орбите Трансцербера. На так называемой орбите так называемого Трансцербера.

На так называемой – потому что еще неизвестно, существует ли сам Трансцербер, небесное тело за орбитой Цербера (десятой планеты Солнечной системы). Может быть, смиренного мудреца Герна на сей раз просто подвела аппаратура.

Что же, и это не исключено. А пока что «Гончий пес» идет по следу. Ученые возятся у приборов, пилоты устроились за шахматным столиком, капитан Лобов для собственного удовольствия крутит в кают-компании старые фильмы, а инженер Риекст сидит боком к пульту и старается хоть на миг уловить голос диагравиионных двигателей, которые, как всем известно, работают совершенно бесшумно. Что же, у всякого свои странности.

Одним словом, все в порядке, и с того момента, как Герну удалось наладить канал связи, капитан Лобов регулярно уведомляет Землю о полном благополучии. Конечно, сказываются условия необычно долгого рейса. Ученые – очень милые люди, хотя и не очень слетанные – успели разделиться на две группы и сидят у приборов спиной друг к другу. Спины одной группы выражают непреклонную уверенность в том, что Трансцербер уже где-то почти в сфере действия приборов. Спины второй группы – что поименованное небесное тело вообще существует лишь в воображении Герна. Что выразила бы спина самого Герна – неизвестно, ибо достойный ученый пребывает в Приземелье, на расстоянии двенадцати с половиной миллиардов километров от «Гончего пса».

Кончается еще один условный день полета. Капитан Лобов досмотрел очередной фильм и теперь пьет чай, поглаживает щеку и поглядывает на ящичек, в котором лежит бритва. Инженер Риекст перестал прислушиваться и направился к контрольной системе. Вероятно, он вспомнил поговорку: лучше один раз увидеть, чем сто – услышать.

Что касается пилотов, то каждый из них лишился двух пешек и одной легкой фигуры. Белые получили несколько лучшую позицию, но черные исполнены оптимизма и вскрывают центр.

– Держитесь, гроссмейстер, – говорят черные.

– Ай-ай-ай... – произносят белые, и голос их полон сарказма.

Потом наступает тишина.

2

Тишина звенела в ушах. Кедрин выдохнул воздух – белые пузырьки заторопились вверх. Но Кедрин, сильно оттолкнувшись ногами, обогнал их и первым взлетел над неровной, постоянно меняющейся поверхностью.

Вокруг изламывались волны. Их гребни, торопясь, опережали основания и, не сумев удержаться на весу, обрушивались, разбивались и таяли, оставляя в воздухе радужный туман и колючую водяную пыль.

Остров то скрывался в этом тумане, то выныривал. Он расталкивал мятущуюся воду крутыми боками конической, с усеченной вершиной, горы. Остров медленно приближался.

Волна подтолкнула к Кедрину доску. Он вцепился пальцами в ее края. Доска была очень кстати. Сзади напознал вал, мрачный как туча. Он был еще монолитен, молекулы его двигались в полном согласии, и тем страшнее казался вал снизу, из зыбкой водяной долины.

Кедрин медленно заполз на доску. Волна, притворяясь пологой и смирной, исподтишка подлезала под нее, словно невзначай поднимая Кедрина все выше. Остров рос на глазах. Тогда Кедрин, подобрав ноги, встал на четвереньки. Волна понесла его вперед, все убыстряя бег. Кедрин неторопливо распрямил колени, встал во весь рост. Он раскинул руки и полетел, балансируя на доске, помчался сквозь мириады клубящихся водинок, сквозь радужный блеск, сквозь свой торжествующий, никому не слышный крик. Земля!

Это была стоящая вещь – схватка один на один с природой. Кедрин громко смеялся. В следующий миг доска, неожиданно вильнув, вырвалась из-под ног, Кедрин снова очутился в воде.

Он сделал несколько судорожных движений и вынырнул, показавшись над морем почти по грудь. Но волна ударила его в лицо и заставила опять уйти на глубину.

Кедрин сильно отталкивал воду руками, стремясь забраться поглубже. Надо уметь плавать, иметь запас воздуха в легких – и никакое море нам не страшно. Тут-то уж мы обойдемся без автоматов, Глубже! Глубже! Еще!..

В темной воде под ним вспыхнул тусклый красный огонь. Он прерывисто мигал. Потом Кедрин услышал голос. «Глубже не ныряйте, – заботливо сказал кто-то невидимый. – Поднимайтесь. Вам может не хватить воздуха». Кедрин перестал грести, и вода подтолкнула его вверх.

Внезапно он насторожился. Слева и чуть ниже промелькнуло темное тело. Акула? Кедрин невольно усмехнулся и почувствовал на языке соль. Какие уж тут акулы! Это автомат-спасатель пристроился за ним, как только Кедрин достиг запретной глубины. Теперь он не отстанет до самого мелководья.

Это почему-то не понравилось Кедрину. Он попробовал перехитрить автомат, резко меняя направление. Акула из пластика и металла не оставляла преследования, все время держась метрах в трех позади. Порывистые движения истощили запас воздуха в легких, и Кедрину пришлось устремиться вверх и пробить головой плоскость, отделяющую море от мира солнца и ветра.

Он пробыл под водой не больше минуты. И все же Служба Жизни успела предпринять все необходимое на случай, если Кедрин будет нуждаться в помощи. Искатель спасательной станции был уже направлен на него и едва заметно поворачивался, провожая Кедрина, пока он приближался к берегу. Кедрин покачал головой; он не мог понять: хотелось ему, чтобы его провожали, или нет.

Последняя волна отхлынула, оставив Кедрина на песке. Он лежал ничком, потом перевернулся на спину. В вышине быстро проплывали облака. Воздух был свеж и прозрачен.

Так все-таки: хорошо это было, или нет? Интересно, нырнул бы он с такой же уверенностью, не зная он, что за ним следят, что кто-то непрестанно заботится о его здоровье и жизни? Эти воды кишмя кишат предупреждающими и спасательными автоматами. Машины приучены лишь не попадаться людям на глаза, пока в этом нет необходимости. Служба Жизни постоянно на чеку, крупнейшая служба человечества. Наверное, это хорошо.

Но, значит, это всего лишь иллюзия – думать, что ты вступаешь в единоборство с природой. На самом деле тебя ведут на поводке, как ребенка. И стоит тебе шагнуть в сторону, как сразу же следует оклик. Не шали, мальчик! Но не потому ли и стремятся люди туда, где никто не был? С другой стороны, остаться одному, без опеки надежных защитников – машин... Меркулин прав: это ушло. Здесь есть автоматы – но есть и море, плавать в котором чудесно.

Кедрин сел. К берегу приближался еще один вал. Пришлось подняться. Он нашел свою куртку, набросил на плечи. К кармашку был прицеплен маленький значок, тот самый, найден-

ный под рефлектором «Джордано». Кедрин носил его с собой, чтобы многочисленные люди и пейзажи не заставили его забыть о причине этого неожиданного путешествия. Кроме того, значок был красив. И сейчас Кедрин с удовольствием посмотрел на его гладкую поверхность, на которой голубой кружок был охвачен множеством совсем маленьких красных точек.

Потом Кедрин перевел взгляд на океан.

Волны все так же катились, подгоняемые молодым ветром. Они изламывались, падали и снова вздымались. На досках, на аквапланах и лыжах, на размашистых катамаранах, в прозрачных шарах, на вогнутых платформах, на узких лодках с яркими, развевающимися, хлопающими и надувающимися парусами – на всем, что могло держаться на воде и взлетать на гребень волны, от берега и к берегу мчались, стремились неслышно кричащие, ликующие люди. Они выносились на песок и, отдышавшись, снова устремлялись в океан.

Кедрин глядел и улыбался. Потом неторопливо пошел по берегу.

Нет, это все-таки очень хорошо, что Служба Жизни внимательна. Разве в ином случае люди могли бы так безмятежно веселиться над бездной? Наверное, нет. И страшно подумать, что получится, если Служба Жизни однажды прекратит работу.

«Не прекратит, – подумал Кедрин. – С чего бы?»

Но раз кто-то не только не отказывается от риска, но заранее примиряется с возможностью очутиться в таком месте, на которое деятельность Службы Жизни не распространяется?..

Да полно, есть ли такие места?

Кедрин попытался – не вспомнить, нет, а хотя бы теоретически представить себе, есть ли такие места. Но и теория не помогла ему. Нет, Служба Жизни – это механизм настолько совершенный, так хорошо оснащенный, так точно работающий, что таких мест нет ни на земле, ни на воде, ни под ними, ни в воздухе, ни за ним. Нигде, ни в одном месте, в котором может оказаться человек.

Даже в космосе, куда уходят корабли. Меркулин любит повторять, что машины способны охранять нас от всех мыслимых бедствий.

Это очень мудро устроено. Техника – наше создание. Ты ее проектируешь и рассчитываешь. В конечном итоге – сам охраняешь себя.

Это звучало убедительно. Кедрин усмехнулся и зашагал чуть вразвалку. Примерно так, как, по его мнению, должен был шагать всемогущий человек.

Вот так. И хватит думать об этом.

Команда была внушительной, ее следовало выполнить без прекословия. Кедрин так и сделал; и какая-то юркая мыслишка, попытавшаяся получить слово, была с негодованием изгнана. Она успела лишь пискнуть что-то вроде: «Не знать или победить...» Конец мысли так и не прозвучал.

А в следующую секунду Кедрин забыл обо всем на свете... Женщина обогнала его. Она прошла мимо не оглядываясь, быстрым, упругим шагом и теперь уходила все дальше. Кедрин глядел ей вслед. Воздуха не хватило, он стал дышать ртом, и в груди стало горячо.

3

Она уже уходила вот так когда-то. Сколько лет тому назад? А что значит – сколько лет? Пустые слова. Если тебе двадцать пять, и с тех пор прошло пять лет – значит, миновало очень много времени. Пятая часть жизни.

Она уходила вот так же, не оглядываясь, и уносила с собой и эти пять лет, и еще неизвестно сколько. А он и тогда стоял и не мог догнать ее.

Хотя это сейчас – не мог. Тогда – не хотел.

Он не хотел, потому что Ирэн была не права. А можно ли жертвовать своей правотой, хотя бы и ради чего-то очень большого?

Нельзя. А прав был он.

Что говорила она? Что-то она такое сказала... Да! Что Меркулин – страус. Вот. Страус, зарывший голову в песок.

Меркулин не страус. Он был и всегда останется большим ученым. Учителем многих и многих. И человеком. Уже одно такое сочетание дает право не выслушивать грубостей.

Правда, Меркулин их не слышал. Это было сказано Кедрину. Но тем обиднее: неужели она думает, что он, Кедрин, не уважает Учителя?

Она тогда говорила что-то похожее на: он воспитывает вас не только творцами машин, но и их жрецами. Вы горды; за спинами автоматов вы не знаете страха. А ведь у машин есть предел прочности, только у человека его нет. Нельзя не знать страха. Надо знать – и уметь одержать над ним победу.

«О чем-то таком я только что собирался подумать, – вспомнил Кедрин. – Собирался, но не позволил себе».

А она сказала это еще тогда.

Ну что же, сказала. Разве из-за этого?..

Да. Об этом они говорили часто. Сначала – днем. Потом дней стало не хватать. Они говорили ночами.

Кедрин мотнул головой.

А потом она ушла. Из института. От тебя. Вообще.

А ты не искал. Ты был обижен. А кроме того, в двадцать лет кажется, что впереди еще много других Ирэн.

Может быть, у кого-нибудь и получается так.

Ты тосковал? Да, наверно, это и была тоска. Но ты утешал себя. А кроме того...

Ну да, ты просто надеялся, что она поймет – и вернется. Придет и скажет: я была не права. Он знал: если она убедится в этом – придет и скажет. Ведь и он сделал бы то же самое.

А она?

Она только что прошла мимо – и не оглянулась.

И вдруг что-то толкнуло Кедрина: она не оглянулась! Да она просто не узнала тебя! Ведь кто знает, смотрят ли женщины на нас со спины так же внимательно, как мы на них?

И вот она уходит. А ты стоишь. И подумать только, что завтра ты улетишь бы отсюда, и, может быть, никогда...

Кедрин кинулся вперед. Вдогонку.

Чего доброго, она ускользнет. Она всегда была странным человеком, человеком непонятных желаний и мгновенных решений. Привыкнуть к этому было очень трудно. Потому-то они и прожили вместе так недолго.

Кедрин торопился, почти бежал. Ирэн успела скрыться за изгибом берега, а там – кто знает, куда ей вдруг придет в голову повернуть? Недаром она принадлежала к тем немногим, кто, услышав предупреждение Службы Жизни, не только не поспешат вынырнуть, но и ухитрятся как-то провести бдительный автомат, чтобы он не тащился за ними.

У таких, как она, обычно беспощадные приговоры. И память, умеющая выбрасывать ненужное. И как знать, осталось ли еще место для Кедрина в ее памяти?..

Он шагал широко. И вдруг остановился как вкопанный.

Жалобный звук, похожий на болезненный вскрик, раздался совсем рядом. Кедрин огляделся. Вскрик повторился; он слышался, казалось, под ногами, и Кедрин отпрянул, затем нагнулся: полужасыпанный песком матовый купол жаловался на свою скучную судьбу. Кедрин шумно выдохнул воздух. Это был всего лишь прибор штормовой защиты, забытый здесь давно и так же основательно, как и сами штормы. Скоро песок занесет его совсем, вместе с рожками антенн... Кто знает, не занесло ли меня вот так в ее памяти?

Кедрину стало жалко автомат и еще больше – себя. Но надо было торопиться. Ему необычайно повезло: ведь только приехав на Архипелаг, он понял, какой глупой была затея. Чтобы осуществить ее, надо было бы подходить к каждой женщине и спрашивать, не зовут ли ее Ирэн, чтобы таким образом убедиться в своей ошибке. И вдруг – откровенно говоря, неожиданно для него – она и вправду оказалась здесь. И можно подойти к ней и сказать: Ирэн, мне нужна ясность, кажется, я утратил ее. И я искал тебя не только потому, что... что... словом, не только потому, но и ради этой ясности. Помоги мне...

Он оборвал себя: «Это потом, потом. Торопись».

Вскоре ему удалось нагнать ее; теперь он шел лишь в нескольких метрах сзади, песок заглушал шаги. Он смотрел на Ирэн, но не видел ее: не видел просто женщину, одну из многих, – перед глазами стояло что-то гораздо большее, для чего существовали лишь очень неточные определения: жизнь, счастье, любовь... Ведь все это начиналось, могло быть... Сейчас я обгону тебя и упаду тебе под ноги; наступи на меня, и я буду счастлив.

– Какая ерунда! – пробормотал Кедрин-логик. – Нет, молчи, тебя нет, ты остался в институте, ты ничего не понимаешь. Это из-за тебя я не пробовал найти ее, написать... вызвать по связи... Ты ждал, но как? Неторопливо, как поджидают старость. Глупец! А она – ждала?

Сейчас просто невозможно было думать, что – не ждала. И надо было идти еще быстрее: может быть, именно сейчас истекает ее терпение; она еще ждет тебя, но через минуту перестанет...

Но Кедрин не решился преодолеть то небольшое расстояние, что еще оставалось между ними. Что-то мешало ему, и он не сознавал, что это – чувство вины. Если бы они столкнулись случайно... А сейчас – он остановит ее, но она взглянет равнодушно и обойдет его, как пень, как камень...

Он едва не пропустил момент, когда Ирэн свернула с тропинки и начала подниматься вверх по склону. Кедрин оглянулся: поблизости не было ни одного эскалатора. Тогда он последовал за нею, боясь потерять ее в лесу, которым порос склон.

Внезапно она остановилась, и он испугался, что Ирэн оглянется, увидит его и поймет, что он ее преследует. Он отступил и встал за деревом. В следующий миг он понял: это и была бы та случайность...

Но выходить было поздно. Ирэн начала одеваться. Кедрин отвернулся; он не хотел быть нескромным. Хотя странно: только что на нее можно было смотреть, не рискуя заслужить упрек, но достаточно ей начать надевать платье, как такой взгляд становится запретным. И, конечно, ей это не понравилось бы... Ну, готова?

Он осторожно выглянул. Ирэн была далеко, она справилась куда быстрее, чем он со своими мыслями. Пришлось карабкаться дальше. Куда она идет? К поселку не свернула. Может быть, на станцию связи? Ирэн прошла и этот поворот. Ага, она просто идет ужинать.

Это открытие повергло Кедрина в смятение. Идти за ней ужинать? Ирэн не любила небрежности в одежде. Кроме того, если он появится сразу за нею – она поймет... Бежать одеться? А если она за это время уйдет?

Оставалось надеяться лишь на быстроту ног. И он решился. Убедившись, что Ирэн не изменяет направления, Кедрин повернул на тропу, ведущую к поселку, и сразу же побежал, размеренно выбрасывая ноги.

Бег заставил его дышать ритмично. Вместе с дыханием пришла и уверенность, что она никуда не уйдет. Сейчас. И потом тоже.

4

В ярком спортивном костюме, со значком в петлице, Кедрин поднялся на площадку. Не успел он ступить на нее, как день погас и мгновенно спустились сумерки.

На площадке были столики. Кедрин остановился возле свободного, у самой балюстрады, и начал глазами искать Ирэн.

Она скользила между низкими столиками, поднимая загорелые руки. Танец был незатейлив и радостен. Кедрин улыбался. Ему показалось, что Ирэн заметила его.

Она внезапно прервала танец и вышла из круга. Обычные щедрые пожелания счастья провожали ее. Все еще звучала негромкая музыка. Кедрин в ожидании откинулся на спинку кресла.

Но Ирэн не дошла до него. Она села неподалеку за двухместный столик. Протянула руки, и ее пальцы легли на чужие, неподвижно отдыхавшие на столе. Кедрин тоже тронул эти пальцы – взглядом, и затем медленно поднял его по рукам – к лицу.

Он был немолод, ее спутник. Если сама она была бронзовой от загара, то его лицо казалось высеченным из северного камня. Не морщинистым, а именно высеченным. В оставшихся от резца бороздах лежали холодные тени.

Но камень внезапно ожил. Пальцы дрогнули, человек улыбнулся и что-то сказал. Вернее, губы его шевельнулись, но Кедрин не услышал звука голоса, хотя и желал этого. Он хотел знать все об этом человеке. Но это не было главным. Самое важное – узнать об Ирэн.

Ну что ж – у каждого есть право подойти и хотя бы пригласить женщину на танец. Но Кедрин знал, что не подойдет: при одной мысли о разговоре с нею у него от внезапного волнения начали дрожать пальцы.

Кедрин начал думать, как протекал бы этот разговор, если бы ему все-таки было суждено состояться. В краткое время молодому ученому удалось построить четырнадцать первоначальных вариантов, а затем и подсчитать (в первом приближении) количество возможных вариантов вообще. Их оказалось чрезвычайно много. Не хватило бы жизни, чтобы исследовать все возможные разветвления разговора даже при помощи Элмо.

Тогда он отвернулся и стал смотреть в ночь.

Светлую площадку окружала темнота. Она была густой, как хороший кофе, какой Кедрин обычно пил перед работой или отдыхая с друзьями. Но темнота была ленивой; она располагала не к действию, а лишь к неторопливым размышлениям. Впрочем, можно было даже и не размышлять, а просто смотреть на людей или на лес, занимавший почти всю плоскую вершину горы.

Люди носили яркие одежды. Негромкие голоса и смех растворялись в говоре ночи.

Лес сдержанно шумел. Широкие листья деревьев отблескивали коротко и таинственно.

Взгляд, блуждая, направился вверх, потом вниз. Гроздь звезд висели совсем близко. Может быть, они росли на деревьях? Внизу дремала бухта. Там, чуть покачиваясь, на фосфоресцирующей воде лежал «Магеллан». Океанский прогулочный лайнер, старомодный и поэтому трогательный, словно набирался сил, чтобы завтра, взлетев над водой и опираясь на нее лишь стройными, обтекаемыми лапами, рвануться в Александрию – странный город, наполовину ушедший в море, аванпорт Средиземсахарского канала, город, где самое солнце казалось смуглым. Сейчас в Александрии был еще ранний вечер...

А на Архипелаге настала ночь. Люди съехались сюда со всех концов планеты, чтобы отдохнуть, они собирались на площадке, где были друзья, свет и прозрачный звон, летящий от звезд. Иные звуки не нарушали тишины: архипелаг был возведен, поднят с морского дна вдалеке от больших дорог, и еще дальше – от людных берегов, где порой сама земля содрогалась от мощных движений машин и сдержанного гула титанических термоцентральных. Отсюда эти берега казались смутными, как вчерашние сны, и только сами люди подтверждали их реальность.

Люди входили, улыбаясь и раздавая слова приветствия, на ходу знакомились, и по их немногим словам даже инопланетец мог бы составить достаточно точное представление о географии Земли и разнообразии земных профессий. Где же на этой обширной планете постоянно живет

Ирэн и какая профессия заставляет ее сталкиваться с такими странными людьми, как ее теперешний спутник?

Людей становилось все больше. Уже не оставалось свободных мест; только к столику, за которым сидел Кедрин, не подошел еще никто. Не было принято нарушать покой человека, ушедшего в свои мысли, а Кедрин со стороны казался именно таким. И в самом деле, сейчас он напряженно искал – и находил – все новые доказательства того, что нужно, поборов стеснительность, просто подойти к ним. К сожалению, их столик двухместный. Но, может быть, если он перенесет туда свой стул, это не покажется невежливым?

Решая эту сложную проблему, Кедрин опустил голову. Затем снова поднял ее, почувствовав чей-то взгляд.

Три человека в нерешительности стояли у входа на площадку и смотрели на его столик – единственный, за которым еще были места.

Они были одеты как все; но казалось, что обычная одежда стесняет их движения. Может быть, поэтому они и стояли так долго на месте, не рискуя сделать шаг вперед.

Но вот они наконец решились. Глаза их щурились от света. Лавируя между столиками, все трое чуть раскачивались; такая походка (если верить литературе) была в старину у моряков, плававших на тогдашних тихоходных, подверженных всем причудам моря судах. Может быть, именно благодаря этой ассоциации Кедрин решил, что это моряки. Люди со старого «Магеллана».

Шедший в середине что-то сказал, и все они разом повернули головы туда, где, увлеченная разговором, сидела Ирэн со своим соседом. Кедрин насупился и осуждающе взглянул на моряков, словно бы они не имели права смотреть на Ирэн.

Они подошли к столику Кедрина. Средний спросил разрешения. Кедрин равнодушно кивнул, и они сели, плавно, как будто остерегаясь резким движением повредить кресла. Кедрин стал исподтишка разглядывать новых соседей.

В них было что-то одинаковое, хотя они совсем не походили друг на друга. Сидевший слева был невысок ростом и шире остальных в плечах. На лице его выделялись крутые дуги скул, глаза были полузакрыты. Он производил впечатление человека, замершего в ожидании чего-то и в каждый миг времени готового к этому «чему-то». Казалось, нервы его натянуты как пружина, и от сложных причин зависело – будет ли пружина раскручиваться долго и равномерно, приводя в движение механизмы, или же развернется вдруг, разнося все вокруг, подобно взрыву.

Кедрину захотелось узнать причину этой напряженности. Но вдруг он почувствовал себя вынужденным перевести глаза, чтобы встретить взгляд человека, чье молчаливое приказание он ощутил.

Это был средний – чуть ли не на голову выше соседа, с худым лицом, на котором губы, казалось, все время с трудом удерживались от того, чтобы сложиться в насмешливую улыбку. Человек этот секунду смотрел в глаза Кедрину, и Кедрин испытал вдруг такое ощущение, как будто его мгновенно, со сноровкой, недоступной и лучшим автоматам, разобрали на мельчайшие части, тщательно осмотрели и ощупали каждую из них – и вновь безошибочно собрали, так что механизм не успел даже потерять инерции движения... Кедрин зябко повел плечами и опустил руки, перестав подпирать ладонями подбородок, как делал обычно, размышляя. Взгляд долговязого моряка был по крайней мере нескромным; а кроме того, только что человек этот смотрел и на Ирэн. И Кедрин в свою очередь стал пристально смотреть на моряка, стараясь передать этим взглядом возникающую неприязнь.

Но он больше не смог встретиться с глазами долговязого: тот внимательно (и, кажется, даже несколько удивленно) смотрел в эту минуту на значок Кедрина, раньше закрытый рукавом. Кедрин нахмурился, но средний уже повернулся к соседу справа – высокому и плотному, с лицом круглым и незатейливым, как яблоко. Лишь взглянув на третьего, Кедрин понял, что в

них казалось одинаковым: неподвижность лиц, прищур глаз и точно от легкой боли сдвинутые брови. Сосед справа усмехнулся и пожал плечами, и это движение тоже показалось Кедрину обидным.

Долговязый снова повернулся к Кедрину, улыбаясь очень дружелюбно.

– Второй? – спросил он. – Или шестерка?

Это походило на начало математической головоломки, но Кедрин в эту минуту не был расположен к развлечениям.

– Десятый! – вызывающе ответил он – Кедрин любил круглые числа. К его удивлению, трое не обиделись, они кивнули – кажется, даже с уважением.

– Примите нашу благодарность, – сказал долговязый, и Кедрин при всем желании не смог бы уловить в его голосе и намека на насмешку. – Если учесть...

– Открываю счет, – перебил его сидящий справа. – Ты провинился, Гур; условия были ясны: деловые разговоры с собой не брать.

Длинный Гур насмешливо-покорно склонил голову.

– Хорошо, – сказал он. – Я нем. Но хотелось бы знать, кто в таком случае будет поддерживать оживленную и остроумную застольную беседу? Мистер Дуглас, сэр, не угодно ли вам?

– Нет! – хладнокровно ответил круглолицый. – Но я полагаю, что имею право отдохнуть и от вашего остроумия, поскольку избавлю вас от своего.

Он достал из кармана трубку, разнял ее и посмотрел в мундштук серьезно, как в телескоп.

– Помолчим! – сказал третий и снова замер.

Кедрин мысленно поблагодарил его, потому что ему вовсе не улыбалось быть втянутым в пустую, хотя бы и веселую беседу.

Гур только вздохнул. Затем он положил ладонь на середину стола, где из гладкой поверхности выступала клавиатура вкусового комбинатора, хитроумной системы, заменившей кулинару прошлых столетий. Предвкушая удовольствие, Гур совсем закрыл глаза, пальцы его уверенно нажали несколько клавиш, затем – кнопку заказа. Ответа не было; индикатор приема не вспыхнул. Кедрин успел подумать, что, возможно, именно потому люди не садились за этот столик, ожидая, пока автоматы заменят неисправное устройство.

В следующий момент Дуглас, усмехнувшись, протянул руку, что-то нажал; крышка откинулась, глазам открылась сложная паутина монтажа.

Кедрин смотрел с интересом. Странно, но такой была жизнь: конструируя автоматы, иногда можно найти интересное решение в совершенно другой области производства. Все нельзя и не нужно изобретать заново. Не зря же Меркулин часто предлагал познакомиться с каким-нибудь устройством в натуре, как это было совсем недавно с автоматом «Джордано». Меркулин, конечно, был прав: основная сила человека – способность к отвлеченному мышлению. Меркулин был всегда прав, и сейчас Кедрину уже казалось невероятным, что еще несколько дней назад он мог спорить с Учителем по какому-то принципиальному вопросу. Так или иначе, смотреть на вкусовое устройство было интересно.

Дуглас извлек из гнезда схему; за плотным пакетом печатных плат вылезла короткая антенна, пополз толстый кабель. Дуглас, прищурив один глаз, оглядел схему, точно прицеливаясь. Скуластый взял цветные пластинки из большой ладони Дугласа, указал мизинцем на одну из них. Гур шевельнул губами; сказанное им слово не относилось к похвалам.

Дуглас извлек из кармана крохотный инструмент, в мгновение ока выломал две пластинки и прошелся по схеме; инструмент тихо пощелкивал. Индикатор приема внезапно вспыхнул. Точным движением Дуглас водворил прибор на место, щелкнул крышкой.

– Придется обойтись без острых соусов, – произнес Гур.

– Не терплю острого, – безразлично процедил скуластый. Дуглас сердито проговорил:

– Я тоже; но, независимо от этого, я думаю, что имею право получить острый соус в любое время, когда мне заблагорассудится. Я считаю, что это беспорядок.

– Заказано вино, – сказал Гур.

И в самом деле, люк подачи раскрылся, на стол выдвинулись наполненные бокалы.

– Конечно, – сказал Дуглас. – Это же Земля, чего же можно ожидать.

– Ну, все-таки, мой принципиальный друг, – сказал Гур. – Я вовсе не в обиде на планету. И все, что она в состоянии дать, собираюсь использовать до конца. Завтра и послезавтра, например, буду спать. Потом – купаться. Два дня не стану вылезать из воды. Потом...

– Я бы хотел знать, – произнес Дуглас, – что может Холодовский иметь против такой программы. Он выглядит так, как будто ему только что нанесли оскорбление. Требую разъяснений.

– Ничего, – сказал Холодовский. – Я просто думаю.

– И напрасно, Слава, – сказал Гур. – Если уж сам Велигай находится по соседству, и, кажется, меньше всего думает о делах...

Эта фамилия, названная долговязым Гуром, заставила Кедрина встрепунуться. Здесь, по соседству – Велигай? Тот самый, неправильно мыслящий конструктор?

Кедрин глубоко вздохнул; медленно повернул голову и внимательно, очень внимательно взглянул на человека рядом с Ирэн. Да? Да.

Он снова прислушался к разговору соседей по столу. Но они уже беседовали о ком-то другом.

– Ничего, – говорил Гур. – Через три-четыре недели он будет в строю. Ничего страшного.

– Крепкий череп, – кивнул Дуглас. – Но даже имея такой мощный скелет, я бы не стал вылезать в пространство в момент атаки. Туда, где нет никакой защиты. Ведь необходимости не было.

– Когда-нибудь она возникнет, – сердито сказал Холодовский. – Что тогда? Нет, пусть нас охраняют в той степени, в какой мы сами этого хотим. Но не больше.

– А что думают об этом на десятом? – спросил Гур, оборачиваясь к Кедрину.

– Перестань, – сказал Дуглас. – На десятом они тем более не должны вылезать. Как будто ты не знаешь.

– Десятый есть десятый, – проговорил Холодовский. – Но мы не десятый. У нас свои законы.

– Череп, проломленный в двух местах по нашим собственным законам, – усмехнулся Дуглас. – От этого легче врачам? Или хозяину черепа?

Кедрину не хотелось принимать участие в разговоре о проломленных черепах – да и, откровенно говоря, он совершенно не представлял себе, где и почему это могло случиться. Весь этот разговор отдавал какой-то грубой стариной. А в нескольких метрах отсюда сидит Ирэн, и на нее можно хотя бы смотреть. Ну не глупо ли – терять время на разговоры с людьми, которые даже не случайные знакомые?

Кедрин стал смотреть на Ирэн, изредка переводя взгляд на ее соседа, и уверенность, что он правильно угадал имя этого человека, все крепла. Сон, сон... Как же так, Ирэн?

Кедрин смотрел на нее, стараясь заставить ее оглянуться и увидеть его: возможно, она его все-таки не заметила... И, кажется, он достиг успеха: доселе неподвижная, Ирэн вдруг выпрямилась, стала подниматься. Кедрин зажмурился. В следующую секунду он взглянул снова; стул был пуст, Ирэн быстро шла по направлению к оркестру.

Поднимаясь, Кедрин пытался мгновенно решить вопрос: идти за нею, или же подойти к человеку, который сейчас остался один? Последнее, кажется, было целесообразней: поговорив с ним, он узнает и все об Ирэн. И кто ей этот угрюмый мужчина – тоже станет ясным. Вот тогда он подойдет к ней. И скажет...

Кедрин уже шел. Эти несколько шагов оказались трудными, но их надо было преодолеть.

Угрюмое лицо придвигалось все ближе. Человек за столиком смотрел в ночную тьму, смотрел странно внимательно, словно вглядывался – или вслушивался? – во что-то, что находилось далеко, очень далеко, страшно далеко отсюда...

Глава третья

1

На орбите Трансцербера все спокойно. Впрочем, так ли? Во время очередного сеанса наблюдений на экранах приборов взвиваются крутые пики. Наконец-то! Если это не Трансцербер, то что же? Приверженцы Герна прирастают к экранам и окулярам. Противники тоже не отрываются от приборов. Жужжат вычислительные машины, уточняя положение Трансцербера и его орбиту, которая, видимо, все-таки существует.

Капитан Лобов советуется с инженером Риекстом. Идти ли на сближение с телом, условно именуемым «Трансцербер», или, наоборот, уходить от него, но с таким расчетом, чтобы тело постепенно догоняло корабль? С точки зрения астронавигации предпочтительнее второй способ, астрономы стоят за первый. По мнению инженера Риекста, более выгоден второй способ; инженер не любит перегружать двигатели. Капитану Лобову, в общем, все равно, но он склоняется к первому способу и поэтому выбирает второй. Капитан Лобов не всегда доверяет своему вкусу и всегда – расчету.

Часы вслух отсчитывают секунды, оставшиеся до начала маневра. Инженер слушает отсчет секунд и на всякий случай каждую цифру негромко повторяет.

Ученые утонули в противоперегрузочных устройствах подле своих приборов. Пилоты сидят по местам. Фигуры на столике тоже стоят по местам. Уже ясно вырисовывается атака на белого короля, который остался без рокировки. Пока фигурам ничто не грозит: они плотно укреплены в гнездах.

И вот возникают перегрузки. Пейзаж на экранах начинает поворачиваться, новые созвездия попадают в поле зрения. Суматошно скачут стрелки на приборах. Так проходит минута. И перегрузки исчезают, звезды успокаиваются.

Маневр совершен. Капитан Лобов с удовольствием оглядывает рубку. Хорошо работают автоматы! Скоро человеку и впрямь станет нечего делать на борту.

Но пока он здесь, надо выполнять свои обязанности. В рубке как будто все в порядке. Но...

– Эй! – говорит капитан. – Кто-то разлил свой смердящий одеколон, что ли? Какой пакостный запах! Беспорядок на борту. Это твой, Риекст?

Инженер поднял голову, досадливо морщась и с грустью констатируя, что из-за чьего-то одеколona он и на этот раз не услышал, как работает диагравийонный двигатель. Приборы показывают, что двигатель, сделав свое дело, уже отключился.

И тогда инженер услышал его.

Нарастание шума произошло мгновенно, как взрыв, при полном бездействии приборов и автоматов. Молчали сирены контрольного блока, дозиметры и авральные сигналы. Но что-то вдруг разлетелось вдребезги. Кто-то охнул и смолк.

До сих пор не установлено, какое именно слово в этот миг бросил инженеру Риексту капитан Лобов. Он прохрипел это слово, которого никогда не было и, наверное, не будет ни в одном из языков Земли; сочетание звуков, изобретенное столь же мгновенно, как пришла беда. И инженер, может быть, не понял бы капитана, не сделай Лобов одновременно обеими руками такого жеста, словно он собирался взлететь, воспарить к потолку рубки, вопреки искусственной гравитации.

Жест этот был понятен; он был предусмотрен инструкцией. А кроме того, инженер и сам знал, что надлежит делать в таких случаях. И он, не колеблясь ни миллисекунды, упал вперед –

так было быстрее всего – и, падая, ухитрился одной рукой сдвинуть предохранитель, а другой ударить по красной выпуклой шляпке в правом дальнем углу пульта, позади переключателей режима.

Катапультирование разогнавшегося реактора было произведено вовремя; он взорвался как раз на таком расстоянии, чтобы не повредить останков корабля. «Гончий пес» лишился и двигателя, и энергии – если не считать аварийных аккумуляторов, о которых всерьез говорить не приходилось, – а значит, утратил всякую надежду уйти с орбиты Трансцербера раньше, чем загадочное небесное тело захочет познакомиться с людьми совсем близко.

Это выяснилось очень скоро. Неясной оставалась разве что причина аварии; чувствовалось, что ученые уже собираются затеять по этому поводу новый спор. Стараясь немного оттянуть хоть это, капитан Лобов разрешил экипажу ужинать. Сам же он, вместе с корабельным «богом связи», прошел в рубку и стал срочно вызывать Землю. Вернее, он вызывал Луну; но на таком расстоянии Луна – это тоже Земля, разница столь ничтожна, что говорить о ней не стоит.

Попытка установить связь дорого обходится аккумуляторам. Но с Землей надо поболтать, как говорит капитан, хотя бы из простой вежливости. «Ведь Герн ухитрился все-таки установить с нами связь; неужели мы окажемся хуже?» Так ворчит капитан, поглаживая щеки с таким видом, словно собирается бриться во второй раз.

2

Кедрин остановился, оперся кулаками о столик.

– Здравствуйте, – собрав всю свою решимость, произнес он. – Я хочу поговорить с вами.

– Не слышу! – мельком взглянув на Кедрину и покачав головой, громко сказал человек с каменным лицом. – Не слышу, помехи... – У него был странный голос, высокий и курлыкающий. – Возьмите канал у метеорологов.

– Что? – растерянно спросил Кедрин.

– Теперь слышу хорошо, не кричите, – перебил его сидящий. – Говорите. Да?

Кедрин обескураженно молчал; он ожидал другого приема.

– В зоне Трансцербера... – раздельно и словно бы задумчиво произнес знакомый Ирэн. – Уже вышли на орбиту? М-да.

Кедрин на всякий случай сделал шаг назад.

– Передайте: Велигай уверен, что все будет в порядке! – громко продолжал угрюмый. – Да. Вылетаю немедленно. Слышите: немедленно! – Он вынул из уха капсулу приемника, спрятал крошку-микрофон.

Кедрин почувствовал на затылке чье-то дыхание. Он оглянулся. Трое соседей по столу стояли, плечо к плечу, за его спиной, и глаза их не отрывались от каменного лица.

– Вы что-то хотели? – спросил спутник Ирэн, обращаясь к Кедрину. Взгляд его скользнул по кедринскому значку, потом по лицу. – Хорошо, я заберу и вас. – Теперь он смотрел поверх головы Кедрина, и значит – на Гура. – Еще кто-нибудь из наших здесь?

– Нет, – сказал Гур. – Что там?

– Авария.

– У нас?

– «Гончий пес». Взбесился гравигенный реактор. Причина абсолютно неясна. Автоматы спали. Катапультировали... – человек за столиком курлыкал и клекотал, и Кедрин понял, что виною тому был протез гортани. – Восемь человек. На обломках. Уточняют, сколько смогут продержаться. Хода нет и не будет. Да и энергии... Ты помнишь, Дуг, их аккумуляторы?

– Помню, – сказал Дуглас, и по тону было ясно, что он помнил их не с хорошей стороны. – Исходили ведь из тезиса, что ничего случиться не может: могучая автоматика...

– Вот, случилось.

– Отдохнули... – сказал Гур.

– Я так и знал, – сказал Холодовский. – Я тебе говорил, Велигай.

Кедрин на миг зажмурился. Сон принимал характер вещественного доказательства. Велигай. Ирэн. За одним столиком, как в одном сне...

– На старт, – приказал Велигай, поднимаясь. – Через двадцать минут приземлится «Кузнечик». Будет брать воду, здесь его соленость.

– У тебя настоящий слух, – сказал Холодовский, коснувшись плеча Кедрина. – Ты услышал первым. Мы удивились: куда ты вскочил.

Кедрин не успел ответить: четверо двинулись к выходу. Возвращавшаяся Ирэн встретила с ними на полдороге. Гур протянул руку и что-то сказал. Ирэн повернулась и стремительно пошла, обгоняя их. Яркая ткань платья растворилась в сиянии радужных ламп. Четверо шли за нею, чуть раскачиваясь.

У выхода Гур обернулся. Его взгляд нашел Кедрина. Гур поднял брови, пожал плечами. Затем они исчезли. Кедрин долго смотрел им вслед. Он просто растерялся.

Вдруг, словно проснувшись, он торопливо прошагал к выходу, спустился с площадки и вошел в лес.

Мохнатые стволы обступили его, дрожащими точками заплескали светящиеся жуки. Маленькими светилками величественно плыли среди них яркие многокрылые шарики, завезенные с иной планеты и прижившиеся почему-то только на этом острове, – странные автотрофные организмы, подобных которым не было на Земле. Темные тропинки играли с Кедриним в прятки, стремительно бросаясь в сторону и снова выглядывая из-за стволов уже где-то вдалеке.

Кедрин шагал без всякой цели. Он чувствовал, что в какой-то невообразимый клубок, недоступный анализу, спуталось в его голове все: красота Земли, Ирэн, авария на орбите Трансербера, сон, Велигай, слова Меркулина о непогрешимости автоматов, чья-то голова, проломленная в двух местах... Мысли путались, как тропинки в лесу, одна из которых сейчас вела его неведомо куда.

Была тишина. Только на миг ее нарушил гул, что-то светлое промелькнуло в небе, гул перерос в рев – и опал, и вновь наступил покой. Лес тихо дышал. Стущались шорохи. Фосфоресцирующие ночные цветы ритмично покачивались на сухих стеблях. Рассудок молчал, молчала интуиция. Тропинки все сменяли и пересекали одна другую, иногда на них мелькали люди, слышался смех и приглушенные голоса.

На миг Кедрину стало жаль себя, потому что он все-таки бродил в одиночестве, и ему не с кем было посмеяться, и не с кем – говорить приглушенным голосом. Ирэн была здесь, на острове, он нашел ее; почему же он должен бродить один? Несправедливость судьбы рассердила его, и в этот миг он едва не налетел на внезапно пересекавшего тропинку человека. Кедрин непроизвольно вытянул руки, и его пальцы ощутили прохладный и гладкий синтетик комбинезона. Кедрин пробормотал что-то, не очень вежливое, отстранился и посмотрел торопливому гуляке в лицо. И умолк, забыв закрыть рот.

Глаза Ирэн смотрели на него без улыбки и удивления. Кедрин стоял растерянный, не опуская рук и не сознавая, что они лежат на ее плечах. Ирэн опомнилась первая.

– Здравствуй, – сказала она.

Кедрин кивнул, проглотил комок и ответил: – Здравствуй.

– Я видела тебя, – сказала Ирэн. – Я рада.

– Подняв руку, она дотронулась до значка. – Очень рада. Я знала... Пошли. У нас нет времени.

Он повернул за ней, не рассуждая.

– Где твой комбинезон? – спросила Ирэн.

Он пожал плечами.

– Как ты живешь?

«Все, что ты мог сказать, – сердито подумал он. – Ведь только что было так много слов. Где они?»

– В таком виде Велигай может тебя не взять.

– Ирэн, – с усилием сказал Кедрин. – Велигай – он кто тебе?

Она шла молча, потом проговорила:

– Тебе надо было спросить это гораздо раньше.

Кедрин дернул головой, словно получив удар.

– Но я все равно рада за тебя. Ты давно?

– Что – давно? – раздраженно спросил он.

– Не волнуйся, – успокоила его Ирэн. – Я скажу ему. В такой момент он не оставит тебя здесь. Но ты такой же рассеянный. Без комбинезона...

Она искоса взглянула на него.

– Смотри под ноги. Ты упадешь.

Кедрин отвел глаза от ее лица. Ирэн заставила его ощутить конкретность пространства. Все еще тянулся тот самый лес, на тропинках встречались люди; совсем недалеко один, разлегшись на теплой земле, уставился на экран телеинформатора – как будто сейчас всерьез можно было интересоваться какими-то новостями.

– Мы правильно идем к Капитану? Сбор там.

«Ей не следовало говорить, что она рада за меня. И вообще – не надо было со мной разговаривать».

– Ах, к Капитану? Тогда сейчас направо...

Ирэн ускорила шаги. Впереди, у подножия статуи Капитана, Кедрин различил четыре отблескивавших фигуры.

Люди смотрели на статую. Затем, не оглядываясь на пришедших, разом повернулись к морю. Кедрина удивила способность этих людей видеть, не поворачивая головы, все, что происходило по сторонам.

– Время! – сказал Велигай. Курлыкающий голос его сейчас стал неожиданно звонок, но все же с хрипотцой, словно бы в металле была трещинка. – Без комбинезона? Останетесь на Земле. Разгильдяйство недопустимо. Идемте!

Они тронулись; в последний миг, в свете открывшейся вдруг луны Кедрин увидел на груди каждого комбинезона такие же значки, как и тот, найденный им, который он все время носил в петлице, даже не думая, что этот кусочек металла может что-то обозначать. Значит, вот откуда они, вот за кого они его приняли!

Одиноким Капитан все так же пристально смотрел вдаль, на лежащий за океаном континент. Пять силуэтов растворились в неверном лунном свете; только тогда Кедрин сдвинулся с места.

Вот, значит, где люди разбивают головы – в наше-то время, в эпоху стопроцентной гарантии жизни. Вот куда они уходят сейчас. Все. И Ирэн. И неизвестно, когда теперь они будут на Земле. Недаром были помехи при разговоре по видеофону. Это действительно далеко...

Далеко. И ты больше не увидишь ее.

Ну что ж; ты ей давно не нужен.

Но она, она нужна тебе!

Он кинулся вдогонку по ровно светящейся дороге, что вела к бухте. Он бежал быстро, и однако, когда достиг берега, с крутого борта темной махины, которой еще вечером здесь не было, уже убирали трап. Кедрин ухватился руками за последнюю перекладину и поехал вверх, больно стучаясь коленями о гладкий борт. Люк приближался. Рука вытянулась оттуда, непочтительно схватила Кедрина за ворот... Кедрин почувствовал, как его поднимают в воздух, и удивился неожиданной силе Холодовского. Сердито сверкая глазами, тот держал в вытянутой руке семьдесят три килограмма – свой вес Кедрин знал точно.

3

В салон его буквально втолкнули и кинули в кресло. Сквозь задний иллюминатор было видно, как над водой вспыхнули и упали стрелы пламени. Длинная сигара над двумя покороче – глайнер (глобальный лайнер) «Зеленый прыгающий кузнечик» – скользнула по взволнованной воде.

Бег ускорился. Кедрин знал, что сейчас все на острове, кто мог видеть, смотрят на это чудо, которое не может примелькаться: тяжелый корабль уже не касался воды... Блеснули короткие косые крылья. Вода закипела, гул проник в салон, громадный «Магеллан» осуждающе закачался внизу, у стенки...

На высоте пятидесяти километров моторы умолкли. «Прыгающий кузнечик» втянул крылья. Тогда Кедрин стал осматриваться.

Небольшой салон казался пустым, на этом витке ночные рейсы не собирали пассажиров. Если верить сентенции Гура, то вообще уезжать лучше с утра, предварительно хорошо выспавшись и позавтракав. В салоне были только те пятеро, шестым и последним оказался сам Кедрин. Приняв сердито-независимый вид, он уселся поближе к ним.

Теперь он знал, кто они. Эти люди занимались тем же, чем и Велигай; а последний, как известно, строил звездные корабли. Это делалось не на планете, и даже не на Луне: там все-таки было тяготение, и не такое уж малое в пересчете на топливо, потребное, чтобы поднять огромный звездолет и вывести его в пространство. Большие корабли строились на Звездолетном поясе (так назывались специальные спутники, обращающиеся вокруг планеты на стационарных орбитах). И значит, туда долг призывал сейчас этих людей.

Кедрин не собирался следовать за ними до конца; да это и не требовалось. Чтобы попасть на свои орбиты, Велигаю и его спутникам нужно было сначала добраться до одного из космодромов, которых не так уж и много осталось на планете; затем дожидаться там корабля – одного из тех небольших кораблей, которые поддерживали сообщение между Землей и поясами или Землей и Луной. Ожидание могло затянуться на несколько часов, а то и больше... Словом, у Кедрина, возможно, окажется достаточно времени, чтобы поговорить с Ирэн по-настоящему. Что до Велигая – с ним было бы очень интересно познакомиться. Но конструктору кораблей сейчас, кажется, не до знакомств или теоретических собеседований.

Хорошо бы суметь завести большой разговор уже сейчас. Кедрин украдкой покосился на спутников: никто не смотрел на него. Тогда он постарался как можно незаметнее отвинтить значок и спрятать его в карман, как бы устраняя причину недоразумения. Потом поднялся с кресла. И сокрушенно вздохнул: нет, в таком виде просто невозможно разговаривать с женщиной. Соприкосновение с шероховатой обшивкой «Кузнечика» не прошло для костюма даром; на коленях пятна грязи, и даже, кажется... да, брюки порваны. Другую пару можно будет достать только на космодроме. А до тех пор...

Ничего, утешил себя Кедрин. Все равно, сейчас разговора не вышло бы. Ирэн сидит рядом с Велигаем. Велигай делает вид, что вовсе не заметил появления Кедрина в салоне. Вообще, кроме Холодовского, единственным, кто обратил внимание на Кедрина, был Гур. Он оглянулся и чуть прищурил глаза.

– Дисциплина погибла в дебрях Архипелага, – пробормотал он.

– О! – осуждающе произнес Дуглас и покачал головой.

– А что? Человек тем и отличается от животных, что обладает способностью иногда поступать нелогично и отклоняться от однажды принятой системы поведения, – назидательно заявил Гур. Он поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, и начал было что-то относительно логичности инстинкта. Никто не поддержал беседы, и Гур умолк, обиженно проворчав напоследок: – О люди, люди, о побочный продукт синтеза ядер гелия!..

Кедрин глубоко вздохнул. Ему вдруг показалось, что вот-вот начнутся какие-то совершенно необычные и очень важные события.

Однако это было не совсем так.

4

Людам свойственно думать, что события лишь надвигаются, и, сдерживая учатившееся дыхание, ждать их начала, в то время как события уже окружили людей со всех сторон, уже прочертили в пространстве-времени свои, пока еще невидимые, трассы, и нужно не ждать их, а лишь разглядеть и приготовиться встретить во всеоружии воли и разума.

Но понимание этого дается опытом. Пока же его нет, человек может просто откинуться в кресле и ощущать, как медленно исчезает ускорение и тело становится все легче, потому что глайнер «Зеленый прыгающий кузнечик» стремительно приближается к вершине своей баллистической кривой, к точке, откуда начнется его медленное падение на землю. Человек может украдкой (чтобы не показать, что на такой машине он, как ни странно, летит впервые) оглядеть кабину, в общем ничем не отличающуюся от салона самого обычного вакуум-дирижабля или внутриконтинентального лайнера, делающего не более трех тысяч километров в час. Только кресла стоят на каких-то постаментах, аккуратно прикрытых потертыми ковриками. И меньше иллюминаторов. И сами они очень малы.

Человек может поэтому включить экран на спинке переднего кресла и любоваться россыпью облаков далеко внизу и медленно ползущим чуть выше облаков тяжелым транспортом с короткими, вынесенными в самый хвост крыльями. Можно смотреть на бодро встающее на западе солнце, которое движется куда медленнее, чем глайнер. Но лучше всего – сидеть и слушать, о чем разговаривают пятеро, расположившиеся в креслах чуть впереди. Хотя это вряд ли можно назвать разговором. Скорее, это общее молчание на одну тему, молчание, из которого изредка складываются отдельные фразы.

– Не пойму: почему Лобов сообщает о четырех месяцах? Энергии все же должно хватить на пять – пять с половиной...

– Их догонит Трансцербер.

– Все-таки они нашли Трансцербер, – сухо сказал Холодовский. – Герн будет торжествовать. И произносить свое любимое: «Я же говорил...»

– Герн не будет торжествовать. Он станет рвать остатки шевелюры и стремиться туда, чтобы пожертвовать собой для спасения этих восьми.

– Жертвы их не спасут.

– Как знать?

– И все-таки они счастливы. Нашли планету!

– Только бы она не нашла их, мой категоричный друг!

И вновь тихо, и можно смотреть на любого из пятерых: на Велигая, который опять будто окаменел в своем кресле, так что непонятно: спит он, или думает, или просто отдыхает, расслабив мускулы тела и отключившись от всего; на Ирэн подле него – она, широко раскрыв глаза, глядит куда-то вдаль: в прошлое? в будущее? Кажется, иногда ей хочется оглянуться, но как узнать, правда ли это или только кажется?

Гур сидит, задумчиво выводя пальцем на выключенном экране какие-то фигуры, причудливые линии, в хаосе которых угадываются закономерность и ритм. Холодовский вложил в ухо капсулу приемника и слушает передачу. Дуглас только что успел, вопреки нормам поведения, разобрать на ладони такую же капсулу и теперь критически разглядывает на свет какую-то, едва видимую простым глазом деталь.

И вот, оказывается, можно смотреть на все это – и не разглядеть событий. Не увидеть их даже в хрусткой ленте фотограммы. Человек, показавшийся из пилотской кабины, тронул

Велигай за плечо, протянул ему эту ленту и неторопливо удалился. Он шел по проходу между креслами, насвистывая, дирижируя указательным пальцем.

Велигай прочитал фотограмму, не сделав ни одного движения сверх необходимых для того, чтобы взять ленту и развернуть ее. Никто из остальных не повернул головы. Похоже, что крайне нелюбопытны были они, хотя уже сам факт сообщения на борт «Кузнечика» был многозначителен: нащупать глайнер в полете направленным лучом по-прежнему оставалось не такой уж легкой задачей.

Прочитав ленту, Велигай аккуратно свернул ее, сунул в карман комбинезона и застегнул карман. Затем он легко поднял из кресла свое угловатое, сутулое тело.

– Что-то непонятное; нелепое сообщение, – сказал он, обращаясь ко всем сразу, и все головы повернулись как по команде. – Коротко и неясно. И угораздило меня потерять микро. Оказывается, меня еще целые сутки после этого пробовали вызывать... Потерял жетон. А в фотограмме много ли напишешь? Какой-то запах появился. Что это может означать?

– Напутали, – сердито произнес Холодовский. – Мало ли у нас путаников?

– Пишут: есть одна жертва.

– Жертва запаха? – удивился Дуглас. – О нет, это неправдоподобно. Если это не запах спиртного, разумеется.

– Надо торопиться, – сказал Гур. – Разберемся на месте. Вы же знаете, какие случаются неожиданности. Может быть, нечто есть и в этой нелепице?

– Гур верен себе, – усмехнулся Холодовский. – Скажи ему, что мухи съели солнце, и он ответит: а что, возможно, в этом есть нечто...

– Где мы возьмем корабль? – спросила Ирэн, и это был наиболее деловой вопрос.

– Я сейчас думаю об этом, – сказал Холодовский. Слова прозвучали так значительно, словно корабль уже нашелся.

– Это несложно, – сказал Велигай. Он нагнулся к полу, как будто нужный им для полета в Приземелье корабль укрывался под креслом. Затем распрямился и взглянул на Кедрину.

– А что же с вами? – вслух подумал он. – Ну ладно, там перебросим вас по адресу на грузовике.

Кедрин не успел собраться с мыслями для ответа, а Велигай уже двинулся по направлению к пилотской кабине. Шаги его были широки и уверенны, словно он ступал по полу своей комнаты. Он отворил дверь к пилотам и не закрыл ее за собой – возможно, затем, чтобы потом не пересказывать остальным содержание разговора.

Так и не придумав, что ответить, Кедрин лишь усмехнулся про себя: Велигай шел к пилотской кабине с видом пирата, ведущего свой корабль, чтобы сцепиться с жертвой и взять ее на abordаж. Сравнение было нелепым; но, как сказал бы Гур, что-то есть даже и в таком сравнении.

5

В глубоких овальных креслах сидели двое. Один – тот, что выносил радиограмму, насвистывал, глядя в потолок, накручивал на палец и раскручивал болтающуюся на тонком проводе капсулу контроля за двигателями. Все равно – было написано на его лице – контролирует киберинженер, так что делать мне, в общем, нечего... Другой, с высоким залысым лбом, читал книгу, пока автоматы следили за курсом и скоростью глайнера. Были люди, упорно не признававшие микрочтения или, как они говорили, микрочтива. Одно это уже давало представление об их консерватизме, и вряд ли стоило просить такого о чем-нибудь, что не было предусмотрено правилами движения по глобальным трассам. Но Велигай решил, видимо, не углубляться в психологию.

– Вы – командир, – сказал он, обращаясь к ненавистнику микрофильмов.

– Говорят, – согласился любитель инкунабул, отводя руку с книгой. Он с интересом оглядел Велигай. – Итак?

– Вы идете на Среднеазиатский?

– Среднеазиатский приземельских орбит, – уточнил пилот. – А вы что, летите в другую сторону?

Второй сидевший в рубке прыснул. Смеялись и глаза пилота; нетрудно было понять, что летчикам просто скучно. Но Велигай пропустил ехидный вопрос мимо ушей.

– Давайте так, – сказал он. – Спрашивать буду я, вы – отвечать.

– Отвечать будет информаторий, – любезно сообщил пилот. – Сема, будь любезен, свяжи товарища с информаторием. У меня тут, – он потряс книгой, – назревает любовная драма.

– Мне необходимо на Звездолетный пояс. Срочно. Спутник семь, монтажный.

– Что же, – доброжелательно сказал пилот, – не возражаю. Со Среднеазиатского машина уходит к поясам часов через восемь... Сема?

– Через семь сорок две.

– Через семь сорок две. А мы будем там через сорок минут. Вы успеете.

– Мне нужно быть на Звездолетном через час. Вместе с товарищами.

Сема перестал свистеть.

– Не могу помочь. Я же вас не заброшу на Пояс? У меня всего лишь стратосферная машина. Я уже не говорю, что ее ведут автоматы. Понимаете: стратосферная машина.

– Старая машина, – с расстановкой произнес Велигай.

– Старая, – так же подчеркнуто подтвердил пилот и отложил книгу. Какую-то долю секунды они смотрели друг другу в глаза, словно испытывая твердость характера.

– Их списали с орбитальных полетов, – сказал Велигай, – и передали в стратосферу год тому назад. Но двигатели остались.

– Передали, – согласился пилот. – Земля бережлива. Но на большинстве машин двигатели уже выработали ресурс и заменены на нормальные стратосферные.

– Только не у вас. У вас еще стоит Винд-семнадцать. Иначе сняли бы и группу резерва, а она же на месте.

– Я вижу, вы проводите время не только в Приземелье. Но допустим, я выйду в пространство. Автоматику там придется выключить – она-то заменена на стратосферную, будьте уверены. А дальше?

– Нас поведут маяки. Конечно, придется поработать. Но вы, похоже, способны на это.

Пилот склонил голову в ироническом поклоне.

– А чего ради мне отдавать свой сертификат?

– Жизнь людей.

В рубке стало тихо.

– Давно я не слышал этого ключа. С тех пор, как... Вы потеряли пять минут; с этого следовало начинать.

– Надо было познакомиться с вами.

– Ясно. Но мне нужно согласие пассажиров.

– Это все наши. Один с десятого, энергетического. Остальные с седьмого – монтажники.

«Монтажники, – закрывая глаза, подумал Кедрин, не пропустивший ни одного слова из разговора. – Монтажники... Это, наверное, так. Но ведь я не имею никакого отношения ни к монтажникам, ни вообще к Звездолетному поясу. Я ведь попал сюда почти случайно. Это не было связано ни с каким риском. Но сейчас...»

Да, сейчас все становилось очень серьезным. Мало того что судьба – или стечение обстоятельств – грозила занести Кедрина в Приземелье, куда он вовсе не собирался, да к тому же на корабле, который, по-видимому, более не считался приспособленным для таких полетов. Это уже не игра. Это опасно. И подумать только, что причиной недоразумения послужил значок,

забытый кем-то в рубке «Джордано»! Зачем надо было брать этот жетон? И чего ради нацеплять его, носить на груди?

И в самом деле. Не будь эти люди уверены, что он, Кедрин, тоже с Пояса, только с другого спутника, с десятого – он же тогда ляпнул им это число, чтобы отвязаться от непонятных и, следовательно, глупых вопросов, – Велигай не рискнул бы уговаривать пилота совершить нарушение дисциплины. Даже двойное: выключить автоматы – раз и выйти в запрещенную для тебя зону – два. Да, тогда Велигаю пришлось бы искать другие возможности...

А сам пилот – разве он не понимает, на какое чреватое последствиями дело идет? Он ведь действительно может лишиться сертификата – документа, дающего право вести такой или даже более сложный корабль. Пилот, кажется, колеблется. Не следует ли помочь ему? Ведь это так просто: стоит только сказать несколько слов... Нет, разумеется, не ради себя, дело не в этом. Но ради самого же пилота! Да, да, для него все может обернуться плохо. Что он там? Кедрин вслушался.

– Не забываете, – произнес пилот, – перегрузки будут не пассажирские.

– Случалось, – сказал Велигай.

– Ну, ну... – мрачно проворчал пилот. Он повернулся в кресле и, почти не глядя, потыкал пальцем в клавиатуру решающего, затем столь же мрачно обозрел шкалу. – Учитывая износ машины, тридцать процентов риска.

– Ради жизни людей я ходил на шестьдесят, – сказал Велигай.

– Я ходил на девяносто, – пробормотал пилот. – И знал людей, ходивших на сто. Самсонов ходил на сто процентов риска и пришел обратно.

– На Цербере? – Велигай глядел на металлический кружок на правом рукаве пилота.

– На Диане, в системе Инфра-три. Я? Да, на Цербере. Через год снова пойду. Сейчас в отпуске – отдыхаю...

Кажется, он согласится... Сейчас самое время – встать и сказать. Ну же!

Он встал. Для того чтобы пройти в пилотскую кабину, пришлось миновать всех монтажников. Кедрин шел, стараясь ступать легко и уверенно, как это получалось у Велигая. Но, кажется, его походка в этот миг больше напоминала судорожные шаги робота.

Одно за другим кресла оставались позади, но взгляды сидевших провожали Кедрина дальше, до самой двери. Гур смотрел – и Кедрин даже спиной ощущал этот взгляд – с веселым и несколько удивленным интересом, словно недоумевая и желая услышать, что сможет предложить Кедрин такого, чего не знал бы Велигай; Холодовский глядел исподлобья, как будто уже по походке догадался о желании Кедрина не допустить изменения курса и теперь только и ждал момента, чтобы схватить, усадить, зажать рот. Дуглас казался настроенным доброжелательно, но челюсти его внезапно сжались, как если бы он готовился к драке. Ближе всего ко входу в пилотскую кабину сидела Ирэн; Кедрин старался избежать ее взгляда, но что-то заставило его повернуть голову и увидеть ее глаза: он прочел в них горячую просьбу, почти мольбу – не сделать и не сказать ничего такого, что заставило бы женщину пожалеть, горько пожалеть и обвинить самое себя в том, что когда-то она была знакома с этим деревянно вышагивающим по узкому проходу человеком... Может быть, этого и не было в ее взгляде, но Кедрин прочитал его именно так. Зачем он поднялся с места, зачем?

Но просто повернуться и сесть теперь было уже нельзя: этим он признался бы в возникшем у него намерении. Но что же можно сделать?

Он остановился в дверях.

– Простите, – сказал он. – А я бы не мог в это время побыть здесь, в вашей кабине? – Он просительно улыбнулся. – Очень интересно.

Пилот доброжелательно взглянул на него.

– К сожалению, нет, – развел он руками. – Тут только два кресла. А стоять во время взлета не рекомендуется.

Кедрин повернулся и пошел на свое место. Ему хотелось петь.

– Любопытный парень, – сказал пилот. – Мне нравится.

– На десятом они почти не видят космоса, – пояснил Велигай.

Пилот кивнул и взглянул на своего спутника.

– Всплют, – радостно откликнулся Сема.

– Всплют. Не забудьте присоединиться к контролю состояния здоровья. Все. Сема, проследи.

Сема проследил. Возвращаясь в рубку, он остановился на пороге и доверительно сообщил пассажирам:

– Вы ему сделали подарок – лучше не надо. А то он говорит, что от таких регулярных рейсов у него кровь свернулась в простоквашу. Сейчас отведет душу...

– Звездолетчик, – пробормотал Велигай. Он произнес это таким тоном, каким люди пожилые говорят: «Молодой...» – тоном, в котором под маской легкого осуждения прячется и одобрение, и явная зависть, и сожаление об ушедших молодых годах... – Звездолетчик, – повторил Велигай, ставя точку на этих размышлениях, и откинулся в кресле. И даже этого повторенного слова было достаточно, чтобы понять, чем образ жизни и мышления Велигая отличался от того, который, по мнению Меркулина, был бы единственно подходящим для настоящего конструктора.

А интересно, что сделал бы на твоём месте Учитель? Разве он стал бы возражать против такого риска, если это ради людей? Нет. Он не стал бы даже бояться. И ты не станешь. Обстоятельства...

Он не успел додумать об обстоятельствах. Мысли сдвинулись с места, смешались, завихрились, канули куда-то. Кресла полезли вниз, одновременно откидываясь и раздвигаясь. В глазах потемнело. Пилот «Кузнечика» отводил душу.

Она ревела тремя «Винд-семнадцать», наконец-то дорвавшись до форсажа, близкими и понятными в своём желании достичь определенного им потолка. Громовым салютом глайнер прощался с наезженной трассой, как будто насовсем вырываясь в простор, о котором всегда мечтают корабли. Мелькнули внизу, стремительно уменьшаясь, резервные емкости – те самые сигары, на которых приводнился корабль. Теперь, отдав свою мощь машине, они, ведомые автоматами, уходили по старой трассе, чтобы сесть в очередном пункте и там дожидаться корабля.

А он, рыча от ярости, карабкался на вершину невидимого пика, на который не восходили альпинисты. Атмосфера голубым пламенем стекала по обшивке, указатели ползли к первой космической, но двигателям было мало этого, и они все нагнетали скорость...

Далеко внизу, на Земле, в посту слежения и управления Глобальных трасс, диспетчер схватился за голову и послал в пространство негодующую радиограмму. Сема мгновенно закодировал ответ, и передатчик вышвырнул сообщение в эфир в какую-то долю секунды. Диспетчер прочел, топнул ногой, призвал на помощь всех чертей и, одобрительно подмигнув неизвестно кому, пустил по спирали сообщение о том, что глайнер восемнадцатый задерживается в пути и на линию будет выслан резервный номер семьдесят три.

А корабль уже вышел в черное небо, и Кедрин смотрел на экран и переводил дыхание. Кажется, ему чуть не сделалось нехорошо? Но он сдержался, не крикнул. Да, с непривычки... тяжело. Он расстегнул воротник. Вздошем глубже, еще раз... Вот так...

Пилот выключил двигатели. Наступила невесомость. Трижды, нарастая и ослабевая, во внешних дозиметрах прошумел неведомый прибой, и это означало, что пройдены радиационные пояса.

Распахнулось Пространство; Земля уходила в сторону. Над ее выгнутой поверхностью восходили голубые конструкции астрофизического спутника номер пять. Шестой сиял в самом зените, на фоне давно знакомого созвездия, и вокруг него вспыхивали другие звезды, которых

не было в астрономических каталогах. Тяжелый грузовоз оторвался от причальной площадки шестого, выбросил голубое облачко и начал снижаться к ажурным дискам Метеорологического пояса, нечастой цепью охватывавшего планету в меридиональной и экваториальной плоскостях. Где-то далеко справа вспыхнула и начала расплываться розовая туманность – это, наверное, очередной планетолет ушел в рейс ко внутренним планетам – и сейчас же это облачко на миг затемнил проходивший перпендикулярным курсом нерегулярный патрульный спутник... Приземелье жило своей жизнью; в приемниках утихали голоса планетного вещания, и их место занимали другие: люди на кораблях и спутниках переговаривались, шутили и спорили, иногда их разговоры прерывались резким свистом закодированных текстов с лунных станций, в ответ которым летели такие же свистящие молнии с Земли. Впереди же, пока еще в отдалении, уже возникли и становились все ярче зеленоватые светила Звездолетного пояса.

Ирэн склонилась к Велигаю и что-то ему сказала, и Кедрин каким-то образом угадал: она советовала войти в пилотскую кабину, помочь командиру правильно подключиться к маякам, подойти и пришвартоваться к спутнику номер семь. Но конструктор покачал головой и улыбнулся, и на его губах Кедрин прочитал лишь одно слово: «Звездолетчик!» – и вместе с женщиной понял, что помогать нет никакой необходимости.

Кедрин не испытывал страха. Ему все еще казалось, что пространство нереально: неведомость кончилась, в пассажирской кабине глайнера было все так же уютно, словно они и не вышли за пределы атмосферы. Даже тяжесть была такая же, как на Земле, и не обязательно знать, что причиной этого явилось просто ускорение в один «же», равное обычному ускорению гравитации на поверхности планеты.

Да, при желании можно было совершенно забыть о том, что Кедрин стал не только свидетелем, но и участником необъяснимого, с общепринятой точки зрения, события: несколько человек по взаимному согласию нарушили одно из правил техники безопасности – могучего инструмента Службы Жизни: вырвались в космос на корабле, который, строго говоря, для этого больше не предназначался. И это событие было лишь звеном в цепи, начало которой, судя по услышанным разговорам, находилось чуть ли не на орбите Трансцербера, а продолжение – на Звездолетном поясе. И в одном и в другом месте произошли какие-то события, не предусмотренные программами многочисленных автоматов, которых, безусловно, хватало и там, и там. «Что сказал бы об этом Меркулин?» – вяло подумал Кедрин и тотчас же отбросил эту мысль: развивая ее, пришлось бы снова вспомнить о том, что они болтаются где-то в пространстве на борту утлого кораблика с легкомысленным капитаном, а об этом спокойнее не вспоминать.

Внезапно в громкоговорителях, соединенных с приемником в пилотской кабине, раздался резкий голос: «Внеочередной, внеочередной, даю пеленг, слушайте ваш пеленг...» Кедрин не сразу понял, что внеочередной – это они. «Включите киберы на прием посадочной программы, – напоминал голос, – назовите частоту ваших киберов!» – «Нестандартная, сажусь сам», – ответил несколько измененный динамиком голос командира. «Внеочередной, не уверен, что сядете». Кедрин тоже не был в этом уверен. «Пит, – очень несерьезным голосом ответил пилот, – узнаю тебя по ушам, вспомни спецзону на Диане!» – «Мишка, клянусь святым торможением, это вынырнул Мишка!» – «Взял твой пеленг, Пит, держу, готовь братские поцелуи, включая посадочные». – «Пузырь, пузырь по кличке Орион, – надрывался невидимый Пит, – куда лезете в наше пространство, освободите объем для внеочередного!»

– «Орион» – значит, третий досылает обшивку, – сказал Гур в кабине.

– Хорошо, – ответил Дуглас.

«Но у меня график!» – возмущенно напомнил «Орион». Пит ответил: «Поломайте его о колено».

Торможение усилилось. Оно нарастало плавно, тяжесть увеличивалась медленно, чувствовалось, что пилот работает как мастер: без лишнего напряжения, легко и точно. Спутник-семь надвигался из пространства – громадный цилиндр, опоясанный тороидами, окру-

женный радио– и световыми маяками, искрящийся множеством иллюминаторов и габаритных огней.

Глайнер выходил к торцу цилиндра. Вспыхивали сигналы. Спутник покатился, убегая из поля зрения. Загорелись звезды. Торможение усилилось, внезапно корабль завибрировал, и Кедрин почувствовал, как у него заныли целых шестьдесят четыре зуба – так много их вдруг оказалось.

Но вибрация кончилась. «Мишка, у тебя есть переходник?» – спросил тот же голос. «Нет, это же теперь глайнер, к чему на нем переходник!» – «Ну, я не знаю, на всякий случай... До чего ты дожил – летаешь на глайнерах».

– Питу надо всыпать за болтовню! – сказал Холодовский.

– Нет, – ответил Дуглас. – Он хороший парень, у него есть чувство юмора.

«После этого рейса, – мрачно пообещал голос командира из динамика, – я не буду летать и на глайнерах».

– У него тоже есть чувство юмора, – одобрительно проговорил Дуглас.

«Так куда мне приткнуться?» – спросил командир глайнера. «Ладно, провались ты в Юпитер, примем вас в закрытый док, выходи на пеленг «АМ».

Почему-то именно в этот момент Кедрин вдруг осознал, что это не игра. Они были действительно в пустоте, в приземельском пространстве. Рядом плыл громадный, медленно вращающийся спутник, и каждое неточное движение могло стоить кораблю – а значит, и всем им – слишком дорого, а киберов с нужной частотой настройки на глайнере не оказалось, в стратосфере они не применялись. Значит, Служба Жизни выпустила их из-под своего теплого крыла.

Кедрин остро пожалел, что ввязался в эту историю. Следовало не малодушничать, не уступать, а сказать там, внизу (он подумал «внизу», хотя Земля сейчас была слева вверху, но все равно она оставалась низом), что он – посторонний. Не сказал, испугался разочарованных взглядов. Но если бы об этом знал Меркулин, каким взглядом посмотрел бы он? Или дело было не только в малодушии? Наверное, не только. Сейчас трудно вспомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.